

*«Захватывающая и леденящая кровь
реконструкция событий, происходивших
до и после смерти советского диктатора»*

ДЖОШУА РУБИНШТЕЙН

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СТАЛИНА

Джошуа Рубенштейн
Последние дни Сталина

«Альпина Диджитал»

2016

УДК 94(470)"1953"
ББК 63.3(2)6-8Сталин И. В.

Рубенштейн Д.

Последние дни Сталина / Д. Рубенштейн — «Альпина
Диджитал», 2016

ISBN 978-5-00-223198-0

Книга Джошуа Рубинштейна, выдающегося американского специалиста по российским и евразийским исследованиям – это захватывающий рассказ о месяцах до и после смерти Сталина и о том, как они изменили ход истории XX века. Власти опасались, что его смерть спровоцирует панику и беспорядки, которые, в свою очередь, могут поставить под сомнение законность его преемников и авторитет однопартийной системы. Внезапная болезнь и кончина Сталина в марте 1953 года для многих оказались полной неожиданностью. Тиран был полон грандиозных замыслов, он готовился бросить вооруженный вызов новоизбранному президенту США Дуайту Эйзенхауэру, а у себя в стране инициировал жестокую кампанию против советских евреев, после чего намеревался провести чистку в рядах высшего руководства компартии. Теперь давних «соратников» Сталина ждало множество непростых дилемм, в том числе в странах социалистического блока, где давали о себе знать протестные настроения. Яркие страницы книги посвящены противостоянию Берии, Маленкова, Хрущева, сравнению свидетельств очевидцев событий с официальными опубликованными версиями. Особый интерес представляют документы, связанные с международными отношениями, в частности с реакцией администрации Эйзенхауэра и его ближайших помощников на кремлевские инициативы после смерти Сталина. Всего несколько месяцев назад Берия занимал свое место в триумvirате, стоящем у гроба Сталина, и произносил траурную речь. Теперь он был в опале – беззащитный, одинокий и трясущийся на допросах, подобно мириадам его жертв.

УДК 94(470)"1953"

ББК 63.3(2)6-8 Сталин И. В.

ISBN 978-5-00-223198-0

© Рубенштейн Д., 2016

© Альпина Диджитал, 2016

Содержание

Благодарности	9
Введение	10
1	12
2	30
3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45
Комментарии	

Джошуа Рубинштейн

Последние дни Сталина

Текст публикуется в авторской редакции

Переводчик: *Максим Коробов*

Научный редактор: *Геннадий Костырченко, д-р ист. наук*

Редактор: *Роза Пискотина*

Издатель: *Павел Подкосов*

Руководитель проекта: *Александра Казакова*

Ассистент редакции: *Мария Короченская*

Художественное оформление и макет: *Юрий Буга*

Корректоры: *Мария Павлушкина, Ольга Ашмарина*

Верстка: *Белла Руссо*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Joshua Rubenstein, 2016

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2024

* * *

ДЖОШУА РУБИНШТЕЙН

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СТАЛИНА

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва, 2024

Благодарности

Работать над этой книгой мне помогал целый ряд коллег и друзей. Особенно я благодарен Хизер Маккаллум, моему редактору в издательстве Йельского университета в Лондоне, которая предложила мне идею. Продираясь сквозь дебри исторических событий и трудности с рукописью, я нашел в ней опору и надежного друга, уверенного, чуткого и здравомыслящего. Не меньшую поддержку я получал от моих литературных агентов Робина Строса и Эндрю Нёрнберга, особенно в моменты сомнений, когда я раздумывал над тем, что необходимо сказать в книге и как лучше подойти к этому.

Очень важны для меня были советы и содействие некоторых коллег из Центра российских и евразийских исследований имени Кэтрин Вассерман и Шелби Каллома Дэвисов Гарвардского университета, бывшего моим интеллектуальным домом на протяжении более тридцати лет. Я мог смело полагаться на Марка Крамера с его превосходным знанием документов и исторических трудов рассматриваемого периода, к тому же он проявил терпение и проницательность, когда читал мою рукопись. Хью Траслоу, заведующий библиотекой Дэвис-Центра, всегда с готовностью приходил на помощь, когда требовалось отыскать редкий книжный том или сориентироваться в электронных архивных материалах. Он и другие сотрудники Библиотеки Уайденера в Гарварде обеспечили меня столь необходимой мне библиографической помощью.

Кимберли Ст. Джулиан была моим научным ассистентом, когда я только приступил к работе над проектом, а Сидни Содерберг занималась поиском нужных мне материалов в Президентской библиотеке имени Дуайта Д. Эйзенхауэра в Абилине, штат Канзас. Я хочу поблагодарить их обеих за оказанную помощь.

Дэвид Бранденбергер из Ричмонд-колледжа был одним из тех коллег, к которым я обратился в самом начале, когда еще только размышлял над тем, как должна выглядеть книга о событиях, окружавших смерть Сталина. Я всегда с радостью принимал его отзывы, вдохновлявшие меня на продолжение работы. Еще одним источником идей и вдохновения для меня стал Максим Шрайер из Бостонского колледжа. Мой давний друг Борис Кац любезно согласился ознакомиться с фрагментами рукописи и, как всегда, выступил с честными и подробными критическими замечаниями.

Кроме того, я хотел бы поблагодарить Сергея Никитича Хрущева, который пригласил меня к себе в гости в город Кранстон, штат Род-Айленд, когда я только начинал свои исследования. Я извлек огромную пользу из нашей беседы о его отце и о пережитых им самим событиях тех роковых дней марта 1953 года. А Татьяна Янкелевич поделилась со мной яркой историей из жизни своей матери Елены Боннэр, которая едва не стала одной из жертв знаменитого «дела врачей». Джонатан Brent также предоставил в мое распоряжение большое количество материалов из своего обширного собрания документов, посвященных этому делу.

Наконец, моей жене Джилл Яноус и нашему сыну Бену пришлось вместе со мной пережить очередной период глубокого погружения в советскую историю, в течение которого я постоянно пропадал в библиотеках и проводил дни и ночи за закрытыми дверями рабочего кабинета. Их терпение и любовь неизменно являются для меня важнейшим источником эмоциональной поддержки.

Введение

Внезапная болезнь и смерть Иосифа Сталина были окружены поистине средневековой атмосферой взаимных упреков и подозрений. Стоял март 1953 года. Обитатели Кремля были охвачены страхом перед новой масштабной чисткой, жертвами которой должны были стать члены сталинского Президиума. Публичная кампания против коварных еврейских врачей-вредителей грозила распространиться на всех советских евреев. Все больше внушала тревогу напряженность в отношениях с Западом: после трех лет боевых действий война в Корее не утихла, а в разделенной Германии продолжалось противостояние американских и советских войск. На этом фоне в январе того же года в Белый дом пришла новая администрация во главе с президентом Дуайтом Дэвидом Эйзенхауэром и госсекретарем Джоном Фостером Даллесом. Они были решительно настроены на «отбрасывание коммунизма назад», но неожиданно для себя оказались лицом к лицу с наследниками Сталина и чередой непредсказуемых реформ.

И в стране, и за рубежом давних «соратников» Сталина ждало множество непростых дилемм. Они понимали, что необходимо освободить узников ГУЛАГа, прекратить дело врачей и обеспечить населению более высокий уровень жизни. Помимо прочего, они пошли на уступки Западу и провозгласили «защиту мира», что означало возобновление серьезных переговоров с целью прекращения боевых действий в Корее и снижения напряженности в Европе, в том числе в восточноевропейских странах-сателлитах, где крайности сталинской политики грозили вызвать массовые протесты против коммунистического режима.

Но прежде всего они были озабочены сохранением собственной власти. Роль Сталина в жизни страны была так велика, что его смерть вызвала у людей чувство потерянности и огромного горя. Как выразился писатель Андрей Синявский, «Сталин сидел у всех, как молоток, в голове, заодно с серпом»^[1]. Власти опасались, что его смерть спровоцирует панику и беспорядки, которые, в свою очередь, могут поставить под сомнение законность его преемников и авторитет однопартийной системы. Им нужно было найти способ дистанцироваться от сталинских преступлений, подчеркивая при этом, что коммунистическая партия не несет ответственности за жестокость тирана, что партию следует скорее пожалеть за то, что она пережила, чем осуждать за то, чему она аплодировала. Эта дилемма возникла сразу же после внезапной болезни вождя и сохранялась на протяжении десятилетий, когда на смену редким проблескам искренности и правды возвращалось официальное признание заслуг Сталина и его стиля руководства. Та же проблема непростого выбора отразилась на лечении Сталина, на проведении его похорон, на отношениях с Западом и на повседневной жизни в стране.

Книга начинается со смерти Сталина, затем обращается к более ранним временам – к состоявшемуся в октябре 1952 года XIX съезду партии, когда Сталин выступил со своей последней публичной речью, и далее к зиме 1952–1953 годов, когда было инспирировано «дело врачей» и началась массовая кампания против живущих в СССР евреев. В ней исследуется, как советская и американская пресса освещала смерть Сталина и как новая администрация Эйзенхауэра отреагировала на последовавшие за ней резкие перемены в Москве. В завершение я рассказываю об аресте в июне того же года Лаврентия Берии.

Смерть Сталина открыла перед его наследниками невиданные ранее возможности. Теперь они могли отменить многие принятые им политические решения и дать стране надежду на более спокойный курс. Эта смерть поставила Соединенные Штаты перед необходимостью срочно пересмотреть свои подходы к взаимодействию со страной, в которой господствовала диктатура и которая теперь внезапно лишилась своего лидера и, казалось, была готова договариваться о перезапуске отношений с окружающим миром. По целому ряду причин и советское правительство, и правительства стран Запада оказались неспособны преодолеть накопившееся за десятки лет недоверие, которое их разделяло. Гонка вооружений шла своим чередом.

Сохранялся раскол Германии и Европы. Холодная война достигла самых отдаленных уголков планеты, где напряженность между Востоком и Западом привела к прокси-конфликтам, принесшим неисчислимые страдания и разрушения. А в Советском Союзе надежда на перемены, характерная для первых месяцев после смерти Сталина, вылилась в череду обнадеживающих реформ и удручающих репрессий, и так продолжалось до тех пор, пока Михаил Горбачев не раздвинул рамки реформ настолько, что советский режим не смог этого пережить. Смерть Сталина подарила Кремлю и Западу шанс избежать мрачной реальности его кошмарных фантазий, но эта задача оказалась им не по плечу. Эта неудача преследовала мир в течение последующих десятилетий.

1

Смерть Сталина

Рано утром в среду, 4 марта 1953 года, задолго до рассвета по московскому радио было передано ошеломившее всех заявление советского правительства, оповещавшего своих граждан и остальной мир о том, что в ночь с 1 на 2 марта Сталин перенес инсульт. Согласно тексту официального заявления, у Сталина, находившегося в своей кремлевской квартире, произошло кровоизлияние в мозг, которое вызвало потерю речи и сознания. Развился паралич правой стороны тела, а сердце и легкие перестали нормально функционировать. Власти заверили советский народ, что Сталин находится под постоянным наблюдением Центрального комитета КПСС и советского правительства и получает всю необходимую медицинскую помощь. Тем не менее каждому предстояло осознать, что серьезная болезнь товарища Сталина подразумевает более или менее длительное неучастие в руководящей деятельности. По сути это означало временное отстранение товарища Сталина от государственных дел.

В медицинском бюллетене приводились более конкретные детали диагноза, включая показания медицинских приборов, указывающих на расстройство дыхания, учащенный пульс и тревожный уровень кровяного давления на фоне сердечной аритмии. Несмотря на то что «состояние здоровья И. В. Сталина продолжает оставаться тяжелым», врачами «проводится ряд терапевтических мероприятий, направленных на восстановление жизненно важных функций организма»^[2]. Под бюллетенем стояли подписи десятка высокопоставленных медицинских работников, включая министра здравоохранения и начальника лечебно-санитарного управления Кремля. Власти давали понять, что принимают самые эффективные меры, возможные при столь страшном диагнозе. Руководство партии контролировало работу министра здравоохранения, а сам министр, в свою очередь, лично руководил врачами, ни один из которых, если судить по фамилиям, не был евреем. Это имело принципиальное значение, потому что всего семью неделями ранее, 13 января, правительство объявило о раскрытии зловещего заговора с участием группы врачей, большинство из которых были евреями, и, как утверждалось, они были связаны с империалистическими и сионистскими организациями с целью убийства ряда советских руководителей путем злонамеренного применения своих медицинских навыков. Так выглядело печально известное «дело врачей». Теперь же болезнь постигла самого Сталина. Его преемники и ближний круг – Георгий Маленков, Лаврентий Берия, Николай Булганин и Никита Хрущев – выжидали по меньшей мере сорок восемь часов, прежде чем объявить новость. Они хотели убедиться, что окончательно договорились друг с другом о разделе партийной и государственной власти. Было важно не только успокоить население, но и – не в последнюю очередь – защитить самих себя. Они жили в постоянном страхе за собственные жизни, гадая, кого и когда, одного из них или всех сразу Сталин выберет в качестве жертвы – как это уже случилось со многими из его некогда могущественных приближенных. В этот щекотливый момент общая задача выжить стала залогом их сплоченности. И всем им была нужна уверенность в том, что Сталин вот-вот умрет. Неожиданно его беспощадная личная диктатура закончилась. Их страх перед ним начал улетучиваться.

Состояние здоровья Сталина долгое время было предметом самых разных слухов. Кто не мечтал о его смерти! А может быть, люди просто выискивали признаки надвигающейся кончины, зная, что, если не считать смерти, ничто так не проявляет нашу человечность, как старость и болезни. Но некоторые запрещали себе даже подобные мысли. Выслушивая сообщения врачей, писатель Константин Симонов полагал «бессмысленным рассуждать о том, что такое пульс, давление, температура и всякие другие подробности бюллетеней, что они значат для состояния здоровья человека, которому семьдесят три года. Не хотелось об этом думать

самому и не хотелось разговаривать об этом с другими, потому что казалось, что нельзя говорить о Сталине просто как о старом человеке, который вдруг тяжело заболел»^[3]. Как писал в своих мемуарах Илья Эренбург, «мы давно забыли, что Сталин – человек. Он превратился во всемогущего и таинственного бога»^[4]. Но сам Сталин не разделял подобных иллюзий. Ходило невероятное количество слухов о том, что он поддерживает научные исследования, направленные на увеличение продолжительности человеческой жизни, и даже помиловал известного врача Лину Штерн, осужденную в 1952 году за государственную измену и шпионаж, так как полагал, что ее работа сможет продлить его собственную жизнь^[5].

На основании заключений врачей, лечивших Сталина, и других источников информации можно хотя бы частично реконструировать его историю болезни. Сталин имел ряд телесных дефектов. Пальцы на его левой ноге были сросшимися. Лицо было испещрено отметинами, оставшимися от перенесенной в детстве оспы. Левая рука производила впечатление усохшей и не могла нормально сгибаться в локте. Есть несколько объяснений этой травмы: либо несчастный случай в детстве, после которого мальчик не получил нужного лечения, либо повреждение левой руки во время трудных родов, ставшее причиной так называемого паралича Дюшена – Эрба. Ближе к своему пятидесятилетию Сталин стал жаловаться на тупые боли в мышцах и нервных окончаниях рук и ног, и доктора рекомендовали ему принимать лечебные ванны на курортах юга России и Кавказа. Он также страдал от головных болей и болезненных ощущений в горле. К 1936 году наблюдавшие Сталина врачи обратили внимание на трудности с походкой и сохранением равновесия и приступили к лечению начальных симптомов атеросклероза.

Считается, что вскоре после войны, в 1945 и в 1947 годах, Сталин перенес либо инфаркт, либо серию микроинсультов. В отсутствие какой-либо достоверной информации в западной прессе появилось несколько статей с домыслами о его пошатнувшемся здоровье. В октябре 1945 года в *Chicago Tribune*, *Paris Press* и *Newsweek* одновременно были опубликованы заявления, что на Потсдамской конференции летом прошлого года во время своей первой и единственной встречи с президентом Трумэном Сталин перенес два сердечных приступа. 11 ноября французский журнал *Bref* сообщил, что 13 сентября у Сталина произошел инфаркт и что он уединился на Черном море, чтобы составить свое политическое «завещание»^[6]. Что происходило на самом деле, установить сложно. 24 и 25 октября в Сочи Сталин лично приветствовал американского посла Аверелла Гарримана, и именно Гарриман заверил журналистов, что «генералиссимус Сталин находится в добром здравии и слухи о его болезни не имеют никаких оснований»^[7].

Тем не менее в послевоенные годы здоровье Сталина продолжало ухудшаться. Один иностранный дипломат, встречавшийся с ним в июне 1947 года, был поражен тем, насколько Сталин сдал с момента окончания войны. Теперь он выглядел «старым, очень уставшим человеком»^[8]. По словам российского историка Дмитрия Волкогонова, Сталин как минимум трижды падал в своем кабинете: два раза на глазах у Поскребышева и один раз в присутствии членов Политбюро. Волкогонов описывал эти приступы как внезапные спазмы сосудов^[9]. 19 января 1952 года, во время последнего осмотра у личного врача, кардиолога Владимира Виноградова, тот настоятельно рекомендовал Сталину побережь себя. Вождь счел совет оскорбительным и пришел в ярость. Об этом не могло идти речи. (Позднее, осенью 1952 года, Виноградов был арестован по «делу врачей».)

Тем не менее нельзя сказать, что Сталин абсолютно пренебрегал своим здоровьем. Начиная с 1945 года (сразу после окончания войны) он ежегодно выезжал из Москвы на все более продолжительное время – вначале на два-три месяца, а затем, в 1950-м и 1951-м, на четыре с половиной. Он предпочитал жить и работать в более спокойной обстановке на одной из своих южных дач, где теплая погода и привычный кавказский климат придавали ему сил^[10]. Находясь там, он имел возможность знакомиться с докладами и телеграммами, но при этом населению

страны никогда не сообщали, что Сталина нет в Кремле. Изредка он все же следовал рекомендациям доктора Виноградова. Будучи заядлым курильщиком и постоянно имея под рукой набитую табаком трубку, он тем самым усугублял свою гипертонию и бросил курить лишь в начале 1952 года. К этому времени он также отказался от посещения парной, так как сидение в бане повышало его кровяное давление. Для лечения гипертонии он любил перед обедом выпить стакан кипяченой воды с несколькими каплями йода – совершенно бесполезная попытка самолечения.

К 1950 году на Западе многие интересовались здоровьем Сталина. На этом фоне рождались самые замысловатые слухи о его серьезной болезни или даже смерти. В марте, после того как Сталин не выступил с обычной предвыборной речью¹, посольство США в Москве доложило в Вашингтон, что, возможно, у Сталина рак горла. Двумя годами позже, в январе 1952-го, американское посольство в Варшаве сообщало, что Сталин заболел, передав бразды правления «Берии, Маленкову и Молотову или Швернику»^[11]. Три недели спустя посольство США в Анкаре докладывало, что турецкий премьер-министр Аднан Мендерес уведомил американского посла о перехваченном из польского посольства сообщении о том, что Сталин «серьезно болен»^[12]. Еще через два дня посольство США в Москве упоминало газетные сообщения из Амстердама о том, что после перенесенной 19 декабря 1951 года операции на сердце состояние здоровья Сталина продолжает ухудшаться. Утверждалось также, что МИД в Москве предупредил сотрудников советского посольства в Амстердаме о том, что Сталин «уже не молодой человек», поэтому они «не должны тревожиться из-за перенесенной им успешной операции на сердце» и «могут ожидать подобных новостей в будущем, учитывая его возраст»^[13]. Тем не менее в той же телеграмме американские дипломаты добавляли, что 21 января Сталин посетил ежегодную церемонию по случаю очередной годовщины смерти Ленина в Большом театре, на которой, как позднее напишет корреспондент *The New York Times* Гаррисон Солсбери, Сталин выглядел «совершенно здоровым и был в прекрасном настроении»^[14]. 4 февраля только что вернувшийся из Москвы бывший посол США адмирал Алан Кирк встретился с президентом Трумэнном. Когда речь зашла о Сталине, посол подтвердил, что не располагает «конкретными сведениями об ухудшении [его] здоровья»^[15]. Американцы хватались за любую соломинку.

Солсбери внимательно следил за всеми подобными слухами. 27 февраля 1952 года он направил в свою нью-йоркскую редакцию письмо – вероятно, оно было переправлено через границу безопасным способом, в обход советских контролирующих органов, – в котором писал, что попытается уведомить их кодированным сообщением, если узнает о смерти Сталина до того, как об этом будет объявлено официально. «Откровенно говоря, – добавляет он, – я думаю, есть примерно один шанс из тысячи, что какая-то информация появится до официального заявления, а такое заявление почти наверняка появится за границей сразу же после того, как это произойдет внутри страны». Он также призвал своих коллег «консультироваться [с ним], прежде чем отдавать в печать какие-либо слухи [о здоровье Сталина], вроде всяких глупостей из Амстердама, опубликованных AP [Associated Press]»^[16].

Западные дипломаты оставались настороже в ожидании возможных перемен в самочувствии Сталина. В июне того же года посол США Джордж Кеннан сообщил в Вашингтон, что, по слухам, в ближайшее время Сталина заменят Вячеслав Молотов и Андрей Вышинский и что негласно распространяется распоряжение убирать развешанные повсюду портреты Сталина. Подобные разговоры навели Кеннана на мысль, что Сталин постепенно снимает с себя как минимум какую-то часть полномочий и что «его участие в общественной жизни становится нерегулярным и довольно поверхностным в сравнении с довоенным и военным периодом». Кеннан, который всегда выделялся среди остальных американских дипломатов философским

¹ Имеются в виду выборы в Верховный Совет СССР, состоявшиеся 12 марта 1950 года. – *Прим. пер.*

складом ума, не мог удержаться от замечания об удивительном долголетии сталинских «соратников». «Причуды и превратности природы, как мне кажется, неестественно долго обходили эту группу людей стороной. Пришло время, когда природа должна сыграть свою любимую шутку, и ее последствия могут весьма отличаться от того, чего мы ожидаем»^[17]. Природа действительно вмешается, но это случится только через семь месяцев.

Тем летом американские военные атташе, присутствовавшие на параде на Красной площади, докладывали Кеннану, что вместо Сталина на трибуне Мавзолея, возможно, стоял его двойник; «прочие члены Политбюро... казалось, не обращали на него внимания и бесцеремонно общались между собой в его присутствии»^[18]. Кеннан был достаточно умен, чтобы не принять всерьез подобное сообщение, хотя мнение, что Сталин иногда использует двойников, было широко распространено. Кеннан с нетерпением ждал вестей от нового французского посла Луи Жокса, который совсем недавно, в августе, лично встречался со Сталиным в Кремле. Жоксу и его коллегам показалось, что Сталин «выглядел очень постаревшим. По их словам, его волосы были гораздо реже, чем на портретах, лицо покрыто морщинами, а рост оказался намного меньше, чем они ожидали. У них сложилось впечатление, что его левая рука шевелится с заметным усилием и вообще все движения даются ему с большим трудом и выглядят судорожными». По завершении встречи у них осталось отчетливое ощущение, что «перед ними старик»^[19].

Тем не менее описания внешности и энергичности Сталина в последние недели жизни нередко противоречили друг другу. Светлана Аллилуева последний раз виделась со своим отцом в день его рождения 21 декабря 1952 года. Она отметила, как «он плохо выглядел в этот день»^[20]. Последними иностранцами, лично видевшими Сталина, были недавно назначенный посол Аргентины Луис Браво, посол Индии Кумар Падма Шивашанкара Менон, а также индийский борец за мир доктор Сайфуддин Китчлу. Браво беседовал со Сталиным 7 февраля 1953 года в течение получаса. По его словам, тот был «в отличной физической и умственной форме», несмотря на свой глубокий возраст^[21]. 17 февраля Сталин лично приветствовал Менона и Китчлу. Его беседа с Меноном длилась полчаса, а затем больше часа он общался с Китчлу, которому только что была вручена Сталинская премия «За укрепление мира между народами»^[22]. Сталин и здесь произвел на обоих впечатление человека, обладающего «превосходным здоровьем, ясным умом и [пребывающего] в прекрасном расположении духа»^[23]. Трудно понять, чему из сказанного можно верить. Вероятно, оба дипломата – сторонники прогрессивных взглядов с определенными симпатиями к советскому режиму – выдавали желаемое за действительное и не собирались распространяться о том, что здоровье Сталина пошатнулось. Реальное положение дел совсем скоро окажется в центре внимания мировой общественности^[24].

Вечером в субботу 28 февраля 1953 года Сталин устроил в Кремле посиделки в узком кругу, после чего отправился с гостями на так называемую Ближнюю дачу, расположенную в московском пригороде Кунцево. В последние годы жизни Сталин проводил здесь почти все свободное время. На территории Ближней дачи имелись розовый сад, небольшой пруд, окруженный лимонными деревьями и яблонями, и даже грядка для выращивания арбузов, чем Сталин любил заниматься на досуге. Прибывшие гости первым делом попадали в прихожую, по обеим сторонам которой располагались две раздевалки. Дверь налево вела в кабинет Сталина, где стоял огромный стол, на котором во время войны раскладывались военные карты. Сталин часто спал на диване в этом кабинете. За другой дверью, расположенной справа, начинался длинный и довольно узкий коридор, по правой стороне которого располагались две спальни. Коридор выходил на просторную открытую веранду, где Сталин иногда проводил время зимой, укутавшись в овечий тулуп и надев меховую шапку и традиционные русские валенки. Средняя дверь прихожей вела в большой прямоугольный банкетный зал, пространство которого было организовано вокруг длинного полированного стола. Именно здесь

Сталин проводил торжественные банкеты или принимал членов Политбюро для заседаний и ночных обедов. Единственным украшением скромно обставленного зала со стандартными люстрами и узорчатыми коврами были два портрета на стенах – Ленина и Горького. Спальня Сталина примыкала к столовой с другой стороны, и в нее можно было войти через почти незаметную дверь, вмонтированную в стену. В спальне находились кровать, два небольших шкафа и раковина. С противоположной стороны располагалась большая кухня с вместительной печью для выпечки хлеба, скрытой за деревянной перегородкой. Когда приступы радикулита становились особенно болезненными, Сталин любил, сняв одежду, вытянуться на закрепленной над печью доске в надежде, что тепло принесет ему облегчение.

Второй этаж, куда можно было подняться на лифте, был построен специально для дочери и ее семьи, но едва ли она задерживалась там, а сам Сталин редко туда поднимался. Большую часть времени обе комнаты стояли пустыми и неосвещенными.

Дача была задумана как место, где Сталин мог расслабиться, отвлечься от дел, прогуливаясь среди деревьев и кустов роз или кормя птиц. Время от времени он принимал здесь правительственных чиновников, а иногда и иностранных гостей, таких как Мао Цзэдун в конце 1940-х годов или Уинстон Черчилль, который останавливался на даче во время своего первого визита в Москву во время войны. В августе 1942 года он подарил Сталину радио, которое стало одним из предметов обихода. Когда Светлана Аллилуева в последний раз виделась со своим отцом, заурядные украшения на стенах неприятно поразили ее: «Странно все в комнате – эти дурацкие портреты писателей на стенах, эти "Запорожцы", эти детские фотографии из журналов». У Сталина была привычка вырезать фотографии и иллюстрации из журналов, а затем развешивать их на стенах дачи. «А впрочем, – продолжает его дочь, – что странного: захотелось человеку, чтобы стены не были голыми; а повесить хоть одну из тысяч дарившихся ему картин он не считал возможным». После встречи с отцом она уехала расстроенная: он выглядел неважно и дача произвела на нее гнетущее впечатление^[25].

Сталин не любил быть один. Как вспоминал о нем Хрущев, «требовалось как-то занять Сталина, чтобы он не страдал, не тяготился одиночеством, не боялся его»^[26]. Но в любой момент он мог созвать членов своего внутреннего круга, чтобы они составили ему компанию. Как уже нередко бывало, в ту роковую субботнюю ночь в Кремле Маленков, Берия, Булганин и Хрущев вместе со Сталиным смотрели фильм. Еще двое из числа давних приближенных не получили приглашения: отсутствовали Вячеслав Молотов и Анастас Микоян. В это время они находились в опале.

После того как фильм закончился, четверо «соратников» выехали в Кунцево, чтобы составить Сталину компанию за ужином. Они пробыли там до самого утра. Это не было чем-то необычным, ведь Сталин любил задерживать их у себя на долгие часы, после чего отправлялся спать до обеда следующего дня. И на этот раз, по словам Хрущева, Сталин «был навеселе, в очень хорошем расположении духа». Он проводил их до дверей, в шутку по-дружески ткнул Хрущева пальцем в живот, назвав Микитой. «Когда он бывал в хорошем расположении духа, то всегда называл меня по-украински Микитой. Распрощались мы и разъехались. Мы уехали в хорошем настроении» – Берия с Маленковым в одной машине, Хрущев с Булганиным в другой, – «потому что ничего плохого за обедом не случилось»^[27]. Было пять или шесть часов утра.

Однако следующий день, воскресенье, начался необычно. По заведенному Сталиным распорядку охранники и обслуга ожидали, что часов в одиннадцать или двенадцать дня он вызовет их и попросит принести чаю или подать завтрак. Согласно протоколу, сотрудникам дачи было строго приказано не заходить в его помещения без приглашения, и нарушить правило они могли только на свой страх и риск. Но никаких звонков от Сталина не поступало, и из его комнат не было слышно никаких звуков – ни шума шагов, ни покашливания. Охрана продолжала ждать. После обеда они заметили, что в его комнатах горит свет. Ближе к вечеру охранники снаружи тоже видели свет из окна. Но вызовов от Сталина по-прежнему не посту-

пало, он не просил ни чая, ни еды. По соображениям безопасности Сталин предпочитал спать в разных комнатах, полагая, что таким образом сможет запутать возможных убийц. Но эта предосторожность сбивала с толку его охрану, которая никогда не знала, где он проводит ночь.

По словам Хрущева, охранники не связались с начальством для получения инструкций и не подумали поднять тревогу, заподозрив, что со Сталиным что-то неладно. Хрущеву показалось странным, что от Сталина весь день не было звонка. Отсутствие новостей с Ближней дачи выглядело очень необычно, но, судя по всему, Хрущев не стал никому звонить и выяснять, в чем дело. После некоторых колебаний он сам отправился спать.

К десяти часам вечера охранники настолько встревожились, что решили найти предлог и послать кого-нибудь в личные помещения Сталина. Из Кремля, согласно ежедневному распорядку, прибыл пакет с почтой. Сталину требовалось просмотреть материал, а доставить ему пакет было обязанностью охраны. Поэтому они решили обратиться к горничной Матрене Петровне, чтобы она принесла пакет Сталину. Это была немолодая женщина, проработавшая у Сталина много лет. Они рассчитывали на то, что, если Сталин и удивится ее внезапному появлению в своих комнатах, она с наименьшей вероятностью вызовет у него подозрения.

Горничная обнаружила Сталина лежащим на полу в библиотеке в пижаме. Он был без сознания, а пижама пропиталась мочой. Руки и ноги ему почти не подчинялись. Пытаясь что-то сказать, он производил лишь странные жужжащие звуки. Матрена Петровна срочно вызвала охранников, которые подняли Сталина и положили на ближайший диван. В полной растерянности они связались по телефону со своим начальником, министром государственной безопасности Семеном Игнатьевым. Но тот был слишком напуган, чтобы давать какие-либо указания, и убедил их позвонить Маленкову и Берии. Они смогли связаться с Маленковым, который дал понять, что разыскать Берию будет непросто. Маленков знал о привычках Берии и предполагал, что тот может проводить время с любовницей на одной из секретных дач. У охраны не было ни адреса, ни номера телефона, по которому с ним можно было связаться. Берия сам позвонил им и, услышав новость, приказал никому не сообщать о состоянии Сталина. Маленков также связался с Булганиным и Хрущевым, настаивая на том, чтобы они поехали на дачу.

По словам Хрущева, первыми прибыли Маленков и Берия, а вслед за ними появился и сам Хрущев. Они тихонько подошли к Сталину, то ли опасаясь потревожить его, то ли не желая разбудить, если он действительно спит. Сталин похрапывал. Тут Берия стал уверять охранников, что это обычный сон и что не нужно его беспокоить. Непосвященному может быть трудно заметить разницу между спящим человеком и человеком, который находится без сознания и практически парализован, но при этом дышит. Вероятнее всего, они понимали, что со здоровьем Сталина произошло что-то серьезное: охрана нашла его лежащим на полу и все они видели и чувствовали по запаху, что он обмочился, – и для всех причастных, для них самих в том числе, лучше дать ему умереть. Также нужно учитывать тот факт, что Сталин почти год не показывался докторам, за исключением отоларинголога, когда в апреле 1952 года сильно простудился. У него возник патологический страх перед профессиональными медиками, и по его приказу были арестованы даже его личные терапевты. На фоне недавно прогрессившего «дела врачей» Берия с Маленковым вполне могли полагать, что в отсутствие явных признаков медицинского характера им лучше не торопиться звать докторов. Если Сталин действительно просто спал, они вполне могли решить подождать до утра, когда он проснется и они смогут разобраться, что произошло, если произошло вообще. Так или иначе никто не стал сразу вызывать медицинскую помощь. Берия, Маленков и Хрущев отправились по домам. К этому времени Сталин был без сознания как минимум восемь часов, а возможно, и все восемнадцать. Этого мы никогда не узнаем.

Но охранники по-прежнему волновались. Они еще раз отправили Матрену Петровну к Сталину, чтобы оценить обстановку. Он продолжал спать, но это был очень необычный сон.

Охранники позвонили Маленкову и сообщили о своем беспокойстве. Маленков вновь позвонил Берии, Булганину и Хрущеву. Только после этого они решили поставить в известность еще двух давних руководителей партии, Климента Ворошилова и Лазаря Кагановича, и вызвать врачей.

Воспоминания Хрущева о той ночи не совпадают с рассказом Алексея Рыбина, охранника из Большого театра, которому, по его собственным словам, удалось побеседовать с несколькими телохранителями Сталина (сам Рыбин на даче не присутствовал). По словам Рыбина, телохранители утверждали, что Сталин не был пьян, что накануне – до того, как около четырех часов утра гости разъехались, – он пил только фруктовый сок². Рыбин также писал о том, как дежуривших охранников встревожило то, что Сталин на протяжении следующего дня не попросил чай и завтрак. Однако, по его словам, послали к нему вовсе не Матрену Петровну – начальник хозяйственной части дачи Петр Лозгачев сам взялся доставить Сталину почту и проверить, все ли с ним в порядке. Именно Лозгачев обнаружил Сталина лежащим на ковре в неестественной позе на согнутой в локте руке. Сталин был почти без сознания, едва мог говорить, но поднял руку и кивнул в ответ, когда Лозгачев предложил переложить его на кушетку. Лозгачев тут же сообщил обо всем остальным дежурным.

Пока охранники ждали медицинскую помощь, они решили переместить Сталина на стоявшую рядом тахту и укрыть его одеялом; его тело было холодным, и, по их расчетам, он потерял сознание и упал примерно семь или восемь часов назад. Лозгачев оставался рядом с ним, прислушиваясь к звукам подъезжавших машин в ожидании врачей. Но вместо них около трех часов утра на дачу прибыли Берия с Маленковым. Они с большой осторожностью приблизились к Сталину, Маленков даже снял ботинки и нес их в руках. Как и в рассказе Хрущева, Сталин храпел, что дало приехавшим основание заявить, что охрана просто запаниковала. Даже после того, как Лозгачев попытался убедить их в том, что Сталин серьезно болен, Берия настаивал, что это обычный сон, и отмахнулся от всех разговоров о болезни. Он отругал охранников за то, что их побеспокоили, и даже выразил сомнение в их профессиональной пригодности в качестве телохранителей вождя – по крайней мере, если верить Рыбину. Без одобрения этих руководителей партии у охраны не хватило смелости самостоятельно вызвать врачей. Они не собирались идти против Берии^[28]. Как заметила писательница Надежда Мандельштам, «Сталин внушал такой ужас, что никто не решался войти к нему, пока не стало слишком поздно»^[29].

Сталин использовал все ресурсы своей империи для того, чтобы защитить себя, но эти меры предосторожности лишь увеличили его уязвимость. Когда он потерял сознание и упал, введенный им протокол безопасности помешал обслуживающему персоналу вовремя выяснить, что происходит, оказать ему помощь и вызвать врачей. Его шофер во время поездок из Кремля на дачу и обратно постоянно менял маршруты. Пока его кортеж из пяти одинаковых лимузинов, ни на одном из которых не было номеров, проделывал путь в двадцать километров от Кремля до дачи, их водители то и дело обгоняли друг друга, чтобы затруднить возможное покушение. Территорию дачи патрулировали сотни сотрудников с немецкими овчарками. На воротах было множество замков, вокруг комплекса тянулась колючая проволока, а среди персонала дачи находились телохранители. Ни одна из этих мер безопасности не помогла ему, когда он лежал несколько часов в луже собственной мочи, парализованный и не в силах закричать.

Пока Сталин находился при смерти, его преемники установили режим наблюдения за его лечением: Лаврентий Берия и Георгий Маленков дежурили в дневное время, а Лазарь Каганович с Михаилом Первухиным, Климентом Ворошиловым, Максимом Сабуровым, Никитой Хрущевым и Николаем Булганиным – ночью, по двое одновременно. Берия взял инициативу

² Соком Сталин называл молодое виноградное вино малой крепости. – *Прим. ред.*

в свои руки и пригласил Маленкова на второй этаж. Там они могли поговорить незаметно от остальных, вдали от царившей внизу суеты. В течение долгих часов они строили планы обновленного правительства, которому предстояло вскоре прийти на смену. Хрущев хорошо знал, какова энергия Берии и жажда власти, и в своих мемуарах упоминал, как во время ночных дежурств предупреждал Булганина: Берия стремится вернуть контроль над тайной полицией «для того, чтобы уничтожить всех нас. И он это сделает!»^[30]. Но на тот момент и в течение ближайших нескольких месяцев они договорились работать вместе и поддерживать видимость плодотворного единства. Бдительный и осторожный Хрущев признавал необходимость выждать.

Хотя Сталин находился без сознания, страх и тревога не оставляли всех вокруг. Врачи боялись даже приблизиться к своему пациенту. Хрущев видел, как к Сталину подошел профессор Павел Лукомский: «очень осторожно... Он прикасался к руке Сталина, как к горячему железу»^[31]. По рассказам Рыбина, руки у врачей тряслись так, что они не могли снять со Сталина рубашку, и им пришлось срезать ее ножницами. Молодая женщина-врач сделала кардиограмму и тут же заявила, что Сталин перенес сердечный приступ. Хотя другие врачи подозревали кровоизлияние в мозг, они ужасались при мысли о последствиях в случае, если они проглядят сердечный приступ. Однако женщина-врач уехала с дачи, и дальнейших вопросов не последовало. После того как газеты объявили о заговоре с целью убийства высших руководителей Кремля, ни один врач не мог быть уверен в том, что его не обвинят в смерти Сталина.

Но помочь Сталину в его нынешнем состоянии было за пределами их возможностей. В результате инсульта он потерял сознание, его правая рука и нога были парализованы. По итогам первичного осмотра было составлено заключение, в котором присутствовали некоторые подробности, не получившие огласки. Печень Сталина была угрожающих размеров и выступала на несколько сантиметров из-под реберного края. На правом локте отчетливо виднелась гематома – очевидный след от падения. Подняв ему веки, врачи обнаружили, что его глазные яблоки уходили то вправо, то влево, демонстрируя неспособность фокусироваться. На фоне всех этих симптомов ему сделали следующие назначения: абсолютный покой, восемь медицинских пиявок за уши, холод на голову, клизма с молоком магнезии, снять зубные протезы. Кроме того, врачи рекомендовали не пытаться кормить Сталина обычным способом, а осторожно вводить в рот жидкости с помощью чайной ложки, так, чтобы больной не поперхнулся. Требовалось также установить круглосуточное дежурство невролога, терапевта и медицинских сестер^[32].

Приближенные Сталина не торопились информировать население. Утром во вторник, 3 марта, они попросили врачей сделать прогноз. «Смерть неизбежна – таков был ответ, по воспоминаниям доктора Александра Мясникова. – Маленков дал нам понять, что он ожидал такого заключения, но тут же заявил, что он надеется, что медицинские мероприятия смогут если не сохранить жизнь, то продлить ее на достаточный срок. Мы поняли, что речь идет о необходимом фоне для подготовки организации новой власти, а вместе с тем и общественного мнения»^[33]. Врачи приняли в этом посильное участие.

Сейчас мы знаем, что проводились консультации и с другими специалистами. Один из заключенных врачей-евреев, Яков Рапопорт, признанный патологоанатом, позднее рассказывал, как допрашивавшие его следователи вдруг резко сменили тон. Они начали интересоваться его мнением о лечении постинсультного состояния, выяснять, что такое чейн-стоксовское дыхание и как на него «повлиять, чтобы ликвидировать». «Я ответил, что это очень грозный, часто агональный симптом и что при наличии его в большинстве случаев необходимо умереть». Следователи также спросили его, может ли он порекомендовать специалиста для лечения одного «важного человека». С этим у Рапопорта возникли затруднения: он просто «понятия не имел, кто из крупных специалистов еще на свободе». Когда следователь стал настаивать на ответе, Рапопорт назвал фамилии девяти врачей, и все они, как выяснилось,

находились в тюрьме, как и он сам. Впоследствии он узнал, что консультации проводились как минимум еще с двумя докторами, арестованными по делу врачей. Но инсульт у Сталина оказался слишком серьезным, чтобы их советы имели значение^[34].

К Сталину привезли его детей – Светлану Аллилуеву и Василия Сталина. Светлану вызвали прямо с урока французского, сообщив, что Маленков настаивает на ее поездке на Ближнюю дачу. «Это было уже невероятно – чтобы кто-то иной, а не отец, приглашал приехать к нему на дачу... Я ехала туда со странным чувством смятения». Лишь встретив перед домом Хрущева и Булганина, она поняла всю серьезность ситуации. Оба были в слезах. Они пригласили ее зайти в дом, где Маленков мог посвятить ее во все детали. Слушая их, она думала, что отец уже умер.

На обычно тихой даче кипела бурная деятельность, хаотический водоворот вокруг неподвижного Сталина. «В большом зале, где лежал отец, толпилась масса народу, – писала Светлана. – Незнакомые врачи, впервые увидевшие больного... ужасно суетились вокруг. Ставили пиявки на затылок и шею, снимали кардиограммы, делали рентген легких, медсестра беспрестанно делала какие-то уколы, один из врачей беспрерывно записывал в журнал ход болезни. Все делалось, как надо»^[35].

По словам Хрущева, один лишь Берия вел себя наглым и вызывающим образом. «Как только Сталин свалился, Берия в открытую стал пылать злобой против него. И ругал его, и издевался над ним», – вспоминал Хрущев. «Интересно, впрочем, что, как только Сталин пришел в чувство и дал понять, что может выздороветь, Берия бросился к нему, встал на колени, схватил его руку и начал ее целовать. Когда же Сталин опять потерял сознание и закрыл глаза, Берия поднялся на ноги и плюнул на пол»^[36]. У Хрущева, конечно, было много причин очернять репутацию Берии, и, возможно, его описание поведения Берии преувеличено, если не выдуманно целиком. Однако и по воспоминаниям Светланы Берия вел себя «почти неприлично»^[37].

В своих мемуарах Светлана также пишет о неожиданной для себя нежности и любви, которую она испытывала по отношению к лежавшему на смертном одре отцу. Она думала о том, как он любил ее и братьев, когда они были детьми, о том, какую тяжелую ношу он взвалил на себя, насколько опустошенной она чувствовала себя, когда он лежал при смерти, как она держала его за руку, целовала его лоб и гладила его голову. Ее поведение совершенно естественно для взрослого ребенка перед лицом неизбежной смерти родителя. Но она не была обычной дочерью, а он не был обычным отцом.

Ее брат Василий сидел рядом, но, как вспоминает Светлана, «он был, как обычно в последнее время, пьян и скоро ушел. В служебном доме он еще пил, шумел, разносил врачей, кричал, что "отца убили", "убивают", – пока не уехал наконец к себе»^[38]. В газетах постоянно рассказывалось, что Василий Сталин был отличным летчиком-истребителем во время Второй мировой войны, совершив два десятка боевых вылетов и сбив несколько вражеских самолетов. Были эти подвиги правдой (что сомнительно) или нет, но после войны, имея такого отца, он стремительно поднимался по служебной лестнице. В 1948 году Василий был назначен командующим военно-воздушными силами Московского военного округа и 20 августа 1951 года даже попал на обложку журнала *Time*, окрестившего его генерал-лейтенантом и «маленьким стражем» своего отца. Вероятно, редакторы предполагали, что Василий станет его преемником. Неизвестно, строил ли Сталин подобные планы относительно сына. Отец иногда безжалостно ругал сына, особенно однажды, когда узнал, что во время поездки в Польшу Василий ловил рыбу, бросая ручные гранаты в воду. Василий занимал свою должность до лета 1952 года, пока его не сняли с поста из-за инцидента, случившегося на первомайском параде. Действуя вопреки приказу сверху, он настоял на том, чтобы самолеты продолжали полет в условиях сильного ветра и низкой облачности. Летчики не смогли выдержать строй, и их самолеты

«прошли... чуть не задевая шпили Исторического музея» на Красной площади. Сталин лично подписал приказ, освобождавший Василия от его высокой должности^[39].

В марте 1953 года делиться новостями о состоянии здоровья Сталина было непросто. Хотя находившиеся в Москве западные журналисты, включая единственную группу американских корреспондентов из шести человек, получили сообщение ТАСС относительно Сталина, они тем не менее сталкивались с жестким контролем. Звонить по телефону в свои редакции они могли только из здания Центрального телеграфа, расположенного в самом центре столицы. Не было ни телекса, ни телефонных линий, которыми можно было бы пользоваться без коммутатора, никаких независимых средств связи с внешним миром. Эдди Гилмор из *Associated Press* вспоминал о суматохе тех дней и ночей, проведенных им в центре столицы. В своих мемуарах «Я и моя русская жена» он писал:

Место, где нам предстояло работать, представляло собой помещение примерно в двадцать пять футов длиной и двенадцать футов шириной. В нем имелись три телефонные кабинки для международных звонков, несколько простых деревянных столов, а также телефон-автомат для звонков по городу, прикрученный к северной стене... Здесь находились все западные корреспонденты, и все они пытались выжать хоть что-нибудь из всей этой истории с болезнью Сталина. Нам раздали официальное сообщение ТАСС, от которого следовало отталкиваться, а цензор долго раздумывал перед тем, как утвердить наши заметки, которые мы передавали ему по одному абзацу. Была связь с Лондоном, и как только мы получали очередной абзац от цензора, мы звонили туда... Нельзя сказать, что мы работали недостаточно быстро, так как мы сидели там с нашими телеграммами, которые были уже написаны и переданы цензору. Проблема заключалась в том, что он тоже сидел там – сидел над нашими телеграммами. Когда Московское радио передало первое сообщение, тогда наши заметки стали пропускать^[40].

Благодаря разнице в часовых поясах *The New York Times* смогла оповестить своих читателей о болезни Сталина позже в тот же день. Заголовок, растянувшийся почти во всю ширину первой полосы, гласил: «Сталин в тяжелом состоянии после удара: частично парализован и без сознания: Москва выражает озабоченность его здоровьем»^[41]. Гаррисон Солсбери добавил несколько подробностей о том, что он наблюдал на улицах столицы:

Никто не знает, когда выйдет следующий бюллетень. Радиоприемники постоянно включены. У киосков длинные очереди – некоторые по сто человек или даже больше – в ожидании газет. Многие верующие отправились в храмы молиться за Сталина. Патриарх обратился ко всем с призывом молиться о здоровье Сталина и собирается лично провести торжественную службу в Елоховском соборе. Сегодня в семь часов вечера главный раввин проведет специальные обряды в Хоральной синагоге.

Несколько часов спустя Солсбери отметил еще пару деталей:

Главный раввин призвал еврейскую общину весь завтрашний день поститься и молиться о спасении жизни Сталина.

В кафедральном большом соборе патриарх обратился к Богу с мольбой смиловаться над Сталиным и спасти ему жизнь. Прихожане пели «аминь». Служители держали над головами Библию в золотом окладе, а патриарх с золотым посохом и в пурпурно-золотом облачении прошел сквозь ряды молившихся. Вокруг алтарей, словно золотые звезды надежды, горели сотни

крошечных свечек. В том или ином виде подобные сцены повторялись по всей России^[42].

Была уже середина ночи, когда известие о внезапной болезни Сталина дошло до Вашингтона. Ни президенту Дуайту Эйзенхауэру, ни госсекретарю Джону Фостеру Даллесу не спешили доложить о случившемся. Директор ЦРУ Аллен Даллес (младший брат Фостера) позвонил Джеймсу Хагерти, пресс-секретарю Эйзенхауэра, и поручил ему передать информацию в Белый дом. Но вместо того чтобы подняться с постели президента, который приказал будить его только в том случае, если новость требовала «немедленных действий»^[43], Даллес и Хагерти в течение получаса препирались, стоит ли это делать, пока в конце концов не сошлись на том, что, поскольку ситуация с болезнью Сталина не предполагала принятия срочного решения, необходимости звонить президенту не было. Лишь час спустя, в 6:00 утра, когда Эйзенхауэр обычно поднимался с постели, ему сообщили о произошедшем. Звонок домой Фостеру Даллесу имел аналогичный результат. Звонившим сотрудникам Госдепартамента было сказано, что госсекретарь еще спит. Вместо того чтобы попросить дворецкого разбудить его пораньше, они договорились, что он передаст Фостеру Даллесу информацию, когда тот проснется утром.

Эйзенхауэр, который только в январе вступил в должность, обсуждал со своими ближайшими советниками вопрос о том, как следует реагировать на болезнь Сталина. Он вызвал Аллена Даллеса в Белый дом, назначив встречу с ним на 7:30 утра. На встрече присутствовали также Хагерти, Чарльз Дуглас Джексон, бывший тогда специальным помощником президента по вопросам стратегии психологической войны, и генерал Роберт Катлер, возглавлявший управление планирования в Совете национальной безопасности. Эйзенхауэр понимал, что вероятная смерть Сталина может открыть перед Соединенными Штатами большие возможности, и хотел действовать быстро: выступить с заявлением и определить курс дальнейших действий. «Как вы думаете, что нам делать в связи с этим?» – обратился он к собравшимся^[44]. Но у его советников не было никаких конкретных предложений. Не договорившись о плане действий, они предложили вынести вопрос на пленарное заседание Совета национальной безопасности, которое состоялось в Белом доме в то же утро чуть позднее.

Пока утром 4 марта Сталин в Москве лежал при смерти, Эйзенхауэр председательствовал на собрании своих высокопоставленных чиновников и просил их совета о том, какое заявление следует опубликовать. Их дискуссия показала, что в администрации преобладает одно фундаментальное предубеждение, которому было суждено довлеть над ней в течение последующих нескольких месяцев. Фостер Даллес, вице-президент Ричард Никсон и сам Эйзенхауэр предполагали, «что со смертью Сталина ситуация, вполне вероятно, лишь ухудшится». На самом деле это была очень распространенная реакция на смерть Сталина, которая наблюдалась и в СССР. Поэтому советники президента предостерегали его от публичного выступления в такой момент. Тем не менее Эйзенхауэр упорно считал, что необходимо выступить с официальным комментарием. Фостер Даллес напомнил, что Калвин Кулидж никак не комментировал смерть Ленина в январе 1924 года. Вероятно, лучше всего «не делать никаких заявлений», советовал президенту Даллес. По его словам, это было бы совершенно ненужной «авантюрой», которая «может быть истолкована как призыв к скорбящему советскому народу восстать против властей». Несмотря на свою репутацию сторонника жесткой линии, госсекретарь полагал, что администрации следует занять осторожную позицию и не создавать впечатления, что она пытается воспользоваться моментом неопределенности и напряженной ситуацией. Но Эйзенхауэр был непреклонен и поручил подготовить заявление от его имени, с тем чтобы оно было опубликовано позже в тот же день^[45].

Бывший президент США Гарри Трумэн и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, помня о союзе с Кремлем во время войны, немедленно выразили свои сожаления в связи с болезнью Сталина. Черчилль даже поручил своему личному секретарю посетить советское посольство в Лондоне и передать его озабоченность. Находясь у себя дома

в Канзас-Сити, штат Миссури, Трумэн назвал Сталина «достойным человеком». «Разумеется, я сочувствую его несчастью, – заявил Трумэн журналистам. – Я никогда не радуюсь чьему-либо физическому недугу... Я очень хорошо знаком с Джо Сталиным, и старый Джо всегда мне нравился... Но Джо в плену у Политбюро. Он не может делать то, что хочет». Во всяком случае так считал Трумэн, и Эйзенхауэр, по всей видимости, разделял это заблуждение^[46].

Но по крайней мере публично Эйзенхауэр и Фостер Даллес воздержались от любезностей. Эйзенхауэр, встречавшийся в 1945 году со Сталиным в Москве, не выразил ни слова сочувствия по поводу его нездоровья. Как вспоминал в своих мемуарах Эйзенхауэр, он знал Сталина как «абсолютного диктатора... и его пагубное влияние ощущалось повсюду»^[47]. В своем официальном заявлении, обращенном к советскому народу, президент затронул религиозную тему и не упомянул Сталина по имени.

В этот исторический момент, когда множество людей в России обеспокоено болезнью советского лидера, мысли американцев обращены ко всем жителям СССР – мужчинам и женщинам, мальчикам и девочкам – в селах и городах, в полях и на заводах их родины.

Они – дети того же Бога, который является Отцом для всех народов на свете. И, как все народы, миллионы русских разделяют наше стремление к дружбе и миру на земле.

Независимо от личностей правителей, мы, американцы, молимся о том, чтобы Всемогущий не оставил жителей этой огромной страны и в своей мудрости подарил им возможность жить в таком мире, где все мужчины, женщины и дети пребывают в спокойствии и братстве^[48].

Индийский посол в Москве, К. П. Ш. Менон, ознакомился с выпущенным Вашингтоном заявлением. Как он отметил в своем дневнике, «история не знает более ханжеской попытки вбить клин между народом и его руководителем в момент его смерти». Менон остро ощущал, какой ущерб дипломатическому протоколу наносят напряженные из-за холодной войны отношения. Но уход Сталина из жизни тем не менее сразу же взбудрил советское общество, «как будто в непроветриваемой и довольно душной комнате внезапно приоткрылась форточка³». В послании из Вашингтона Менона поразила сам тон сообщения^[49].

Чуть раньше, в начале недели, в Вашингтон прибыл глава британского МИДа Энтони Иден (по настоянию Черчилля Иден должен был уговорить Эйзенхауэра встретиться со Сталиным). Его встреча с президентом была назначена на пятницу, но уже в среду вечером Иден провел почти часовую беседу с Эйзенхауэром и Фостером Даллесом, а после того как Даллес уехал, разговор Идена с президентом продлился еще полчаса. За всей этой необычной активностью стояла смесь из дурных предчувствий и надежд на открывающиеся со смертью Сталина перспективы для Соединенных Штатов и их союзников. По сообщению журнала *Newsweek*, Эйзенхауэр и Иден пришли к выводу, что «в ближайшие три-шесть месяцев Запад может не ждать сюрпризов из Москвы», – ошибочность этого предположения очень скоро станет очевидна^[50].

В Госдепартамент из американских посольств пошли сообщения о реакции мира на внезапную болезнь Сталина. В Венесуэле ходили слухи, что Сталин уже умер, и сотрудники посольства, не зная, как поступить (правительство Венесуэлы не имело дипломатических отношений с СССР), спрашивали, стоит ли им приспустить американский флаг. Этот вопрос будет обсуждаться в ведомствах в течение следующих пяти дней. Чтобы поднять настроение новому послу США в Москве Чарльзу Болену, чья кандидатура как раз проходила процедуру утверждения в Вашингтоне, из Брюсселя прислали написанный американским сотрудником шуточный стишок:

³ У Менона так и написано – *fortochka*. – Прим. пер.

Дядя Джо в постель уложен,
Кровь бушует в голове,
Онемел и обезножел –
Кто ж командует в Кремле?^[51]

Из Бонна американские дипломаты цитировали слова западногерманского «эксперта по Советскому Союзу» Клауса Менерта, который рекомендовал западным державам проявить сдержанную реакцию. «Первоочередная задача Запада – не делать ничего, что способно смягчить внутренние противоречия и напряжение борьбы в Кремле. Заявление западных лидеров, которые Кремль может истолковать как угрозы или злорадство, вероятно, послужат лишь сплочению советского народа», отмечалось в телеграмме. «Смерть Сталина ни в коем случае не должна стать для Запада поводом для ликования или для успокоенности оттого, что международная обстановка разрядилась. [Менерт] полагает, что Сталин играл сдерживающую роль, и до тех пор, пока не станет ясно, какую политику выберет теперь Москва, он призывает коллег проявлять максимальную осторожность в высказываниях относительно официальной позиции Бонна». Короче говоря, делается вывод в телеграмме, «компетентное, хотя и не обязательно широко распространенное в Германии мнение, лучше всего выражено в поговорке "знакомый дьявол лучше, чем тот, которого не знаешь"». Подобно многим другим, Менерт полагал, что в отсутствие Сталина внутренняя ситуация в СССР и его отношения с другими странами могут стать более напряженными и угрожающими^[52].

Джон Фостер Даллес посчитал необходимым дать четкие рекомендации относительно линии поведения американских дипломатов. Его телеграмма, адресованная посольству в Москве, предписывала американским дипломатам «минимально придерживаться протокольных процедур». «Не следует (повторяю, не следует), направлять в Министерство иностранных дел какие-либо сообщения от себя лично до получения дальнейших распоряжений»^[53].

Телеграмма, полученная Госдепартаментом из Мюнхена, предостерегала от «гневных обличений [Сталина] или необоснованных предположений о борьбе за власть». «В то же время ничто не может способствовать неуверенности, разобщенности и подозрительности Кремля больше, чем зловещее молчание официальных источников. Такие действия не мешают другим источникам подчеркивать невозможность найти равную по величине замену. Словом, не способствуйте их сплочению, дайте дрожжам взойти»^[54]. На фоне предположений, что советские государственные деятели и общество в целом столкнутся «с неразберихой и неопределенностью... в империи, которая настолько зависела от воли одного диктатора», в Вашингтоне поговаривали и о том, чтобы сбросить на советские города листовки с текстом обращения Эйзенхауэра, в котором он выражает сочувствие советскому народу и «молится за их свободу». Вашингтонские чиновники также искали способы подтолкнуть Мао Цзэдуна к «разрыву с Кремлем»^[55]. Понятно, что архитекторы американской политики были бы очень рады нанести болезненный укол своим советским коллегам в момент перехода власти, но идеи, которыми они себя тешили: выразить проникнутые религиозным духом соболезнования, отказать от проявлений злорадства у одра умирающего Сталина со стратегическим расчетом на то, что молчание лучше подействует на их нервы, надеяться вызвать раскол между Мао Цзэдуном и Кремлем, – выглядят безнадежно наивными.

Дипломатический корпус США также переживал переходный период. Американским поверенным в делах в Москве был Джейкоб Бим. Опытный и одаренный дипломат, в 1930-е годы он работал в нацистской Германии, а затем, уже во время войны, в Лондоне. После службы в Индонезии и Югославии Бим был командирован в Советский Союз. К октябрю 1952 года Джордж Кеннан уже покинул советскую столицу. Кремль объявил его персоной нон грата из-за его публичных высказываний о жизни при Сталине, в которых он сравнивал обстановку в сталинской Москве со своими впечатлениями о гитлеровском Берлине. Назначенный на его место

Чарльз Болен пока еще находился в Вашингтоне, ожидая окончания слушаний по утверждению своей кандидатуры. Процесс тормозил сенатор Джозеф Маккарти, выразивший необоснованные сомнения относительно предыдущей работы Болена в Госдепартаменте, в частности его службы в качестве переводчика во время Ялтинской конференции в 1945 году^[56].

Бим, не знавший русского языка, отчитывался непосредственно перед Фостером Даллесом в Вашингтоне и ждал его указаний, а тем временем каждый новый день приносил неожиданные новости^[57]. В полдень 5 марта Бим доложил Фостеру Даллесу, что «послы Великобритании и Франции лично выразили министру иностранных дел свое сочувствие по поводу болезни Сталина, и то же самое сделали главы миссий Скандинавских стран, Аргентины и Бельгии». Далее он сообщал, что в случае смерти Сталина старший дипломат планирует направить письмо с соболезнованиями «от имени дипломатического корпуса и послать траурный венок». Кроме того, он писал, что было бы уместно «приспустить флаги в день смерти и день похорон, но в случае, если будет объявлен официальный траур, он предлагает приспустить флаги и на это время». Также он выражал надежду, что удастся «согласовать эти действия с англичанами и французами». Фостер Даллес незамедлительно ответил, подтвердив, что Биму следует координировать реакцию США с ними^[58].

Фостер Даллес по-прежнему ждал новостей, «проявляя особый интерес» к тому, как на болезнь Сталина «реагируют народные массы в СССР и государствах-сателлитах»^[59]. В Германии американские дипломаты начали отмечать брожение среди официальных лиц и населения. Ходили слухи, что заместитель премьер-министра ГДР Вальтер Ульбрихт выехал в Москву, а информационное агентство *Юнайтед Пресс* сообщило, что в советскую столицу вызывают коммунистических лидеров со всей Восточной Европы. Сотрудники посольства США в Берлине отмечали, что множество «жителей Восточного Берлина и Восточной Германии [приезжали] в Западный Берлин специально для того, чтобы получить правдивую информацию о здоровье Сталина и узнать, пришло ли время открывать припасенные на этот случай бутылки с вином»^[60].

Правительство Югославии, которое еще в 1948 году вступило в противостояние с Кремлем и сопротивлялось угрозе своего существования, едва сдерживало ликование. Коммунистам из окружения маршала Иосипа Броза Тито было понятно, что наследники Сталина публично объявили о его болезни только потому, что были уверены в его скорой смерти. 4 марта в пять часов вечера радио Белграда передало сообщение, озаглавленное «Предсмертный хрип в горле величайшего диктатора планеты». Для Тито это означало, что «природа [выступила как] союзник справедливости»^[61].

В полночь со среды на четверг 5 марта Солсбери отправил в свою редакцию зашифрованное сообщение, на этот раз для того, чтобы подтвердить, что вопрос о здоровье Сталина цензурируется, и, скорее всего, будет сложно предложить информацию, выходящую за рамки официальных коммюнике. Еще через два часа вышел второй медицинский бюллетень. Он подтверждал то, о чем уже и так все догадывались. Врачи сообщали об ухудшении состояния Сталина. По их наблюдениям, дыхание Чейна – Стокса, характерное для пациентов в коме, участилось. «В связи с этим ухудшилось кровообращение и возросла степень кислородной недостаточности»^[62]. Как и в прошлый раз, врачи докладывали о сердечном ритме, слегка повышенной температуре и опасном повышении кровяного давления. Лечебные мероприятия включали использование кислородной маски при затруднениях дыхания, введение раствора глюкозы через вену, так как пациент находился в бессознательном состоянии и не мог есть, постановку медицинских пиявок для снижения давления, инъекции пенициллина для профилактики пневмонии, кофеина для стимуляции нервной системы и камфорных препаратов для укрепления сердца. Это были стандартные процедуры того времени, хотя на Западе использование камфоры для лечения сердечных заболеваний к 1953 году считалось устаревшим методом, как и применение кровососущих пиявок с целью уменьшения объема крови

в организме и, соответственно, понижения давления. Западные доктора прокололи бы вену – более простой и, наверное, более эффективный способ медленного кровопускания. Лечившие Сталина врачи, вероятно, думали, что использование пиявок «убедит даже самых старомодных русских в том, что для [его] спасения применяются все возможные средства», как писал журнал *Time*^[63]. Но все их усилия были безнадежно неэффективны. Тем не менее это не помешало Гаррисону Солсбери с некоторым преувеличением заметить, что «были использованы все известные современной медицине средства и методы»^[64]. Под пристальным вниманием всего мира в Москве продолжалась вахта смерти. Читая новости в различных газетах и видя, как мало информации на самом деле сообщается, известный журналист еженедельника *The New Yorker* Эббот Джозеф Либлинг не мог удержаться от иронии. «Досадная пауза, которую допустил этот старый большевик между обмороком и смертью, стала проблемой даже для самых изощренных профессиональных наблюдателей, которым пришлось сначала объяснять огромное значение его смерти, а затем изобретать различные толкования, пока он, наконец, не оказался в могиле». По мнению Либлинга, Сталин обнаружил «дурной вкус, умирая в рассрочку», заставляя редакторов выкручиваться при отсутствии мало-мальски достоверной информации^[65].

На пресс-конференции в Вашингтоне в тот четверг президент Эйзенхауэр признал, что обсуждал со своими советниками возможные последствия отсутствия Сталина на московской политической сцене, но в итоге участники «пришли к тому, с чего начали». Отвечая на вопросы, Эйзенхауэр неожиданно для самого себя продемонстрировал большую озабоченность, чем, вероятно, намеревался. Один из журналистов задал вопрос о недавней агрессивной кампании Кремля против евреев. Эйзенхауэр ответил без обиняков. «Посерьезнев, мистер Эйзенхауэр заявил, что, разумеется, он осуждает рост антисемитизма. Это горестно – продолжал он – особенно, для тех, кто, как он сам, знает об ужасах лагерей [нацистов] во время Второй мировой войны и видел останки евреев, превращенных Гитлером в пыль. Мысль о том, что подобное снова происходит, внушает крайнее беспокойство, и человек на посту президента Соединенных Штатов на самом деле не уверен, стоит ли говорить об этом публично, ведь его слова могут быть использованы для оправдания еще больших гонений на евреев»^[66]. И да, Эйзенхауэр предлагал встретиться со Сталиным, если подобная встреча послужит делу мира, и это предложение оставалось в силе для любого советского лидера, который придет Сталину на смену. Тем не менее *The New York Times* добавляла: «Станция *Голос Америки* получила указание широко освещать тему смертельной болезни Сталина», избегая при этом обсуждения предположений о возможном преемнике^[67].

Пока государственные чиновники и мировая пресса обсуждали новости, весть о внезапной болезни Сталина стала доходить и до заключенных ГУЛАГа. Писатель Лев Разгон как раз в это время отбывал восемнадцатилетний срок в лагерях. Позднее он вспоминал:

Помните ли вы эту паузу в радиопередачах 4 марта?! Эту невероятно, невероятно затянувшуюся паузу, после которой не было еще сказано ни одного слова – только музыка... Без единого слова, сменяя друг друга, Бах и Чайковский, Моцарт и Бетховен изливали на нас всю похоронную грусть, на какую только были способны... Передавалось первое правительственное сообщение, первый бюллетень. Я уж не помню, после этого ли бюллетеня или после второго, в общем, после того, в котором было сказано: «дыхание Чейна – Стокса», – мы кинулись в санчасть. Мы... потребовали от нашего главврача Бориса Петровича, чтобы он собрал консилиум и – на основании переданных в бюллетене сведений – сообщил нам, на что мы можем надеяться... В консилиуме, кроме главврача, принимали участие второй врач – бывший военный хирург Павловский и фельдшер – рыжий деревенский фельдшер Ворожбин. Они совещались в кабинете главврача нестерпимо долго – минут сорок. Мы сидели в коридоре больнички и молчали. Меня била

дрожь, и я не мог унять этот идиотский, не зависящий от меня стук зубов. Потом дверь, с которой мы не сводили глаз, раскрылась, оттуда вышел Борис Петрович. Он весь сиял, и нам стало все понятно еще до того, как он сказал: «Ребята! Никакой надежды!!!» И на шею мне бросился Потапов – сдержанный и молчаливый Потапов, кадровый офицер, разведчик, бывший капитан, еще не забывший свои многочисленные ордена...^[68].

Тем временем находившиеся в Москве западные журналисты старательно выискивали между строк официальных сообщений мельчайшие крупинки информации. Эдди Гилмор из *Ассошиэйтед Пресс* вспоминает ту неделю с содроганием: «Я не стану в подробностях описывать те долгие бессонные ночи, проведенные нами на Центральном телеграфе. Мы ничего не ели часами. Не спали сутками. К чести корреспондентов, находившихся тогда в Москве, каждый из них продолжал делать свою работу. Нервы были на пределе, и мы ругались и орали друг на друга. Несколько раз дело едва не дошло до драки. Проблема заключалась в доступе к телефону. Было всего две линии с Западом, а корреспондентов было шестеро. Кому-то приходилось быть последним, а каждый стремился быть первым».

В течение этих двух суток, когда мир понимал, что Сталин при смерти, Гилмор «завел привычку проходить через Красную площадь... как минимум десять или пятнадцать раз в любое время дня и ночи». Он постоянно видел автомобили с мужчинами и женщинами «в белом, входившими и выходящими из Кремля». Он предположил, что это врачи и медсестры, хотя и не мог быть в этом уверен. Был еще «грузовик с открытым кузовом, который перевозил нечто, напоминающее кислородные баллоны». Учитывая, что, по заявлениям властей, внезапная болезнь настигла Сталина в Кремле, неудивительно, что Гилмор был впечатлен поспешным прибытием медицинского персонала и оборудования^[69].

Если то, что видел Гилмор, было правдой, то все это было частью сложной шарады. Удар настиг Сталина на его пригородной даче в Кунцево. Но вокруг его фигуры как вождя сложилось огромное количество мифов – в том числе что он ежечасно трудится на благо советского народа, и свет в окне его кремлевского кабинета с видом на Красную площадь горит всю ночь, – и было бы слишком неудобно объявить народу, что в момент удара он находился на даче. Когда годы спустя Светлана Аллилуева и Никита Хрущев, каждый со своей стороны, описывали вахту смерти в Кунцево, ни один из них не упоминал лживости официальных заявлений Кремля. Столь безобидная ложь даже не нуждалась в объяснении.

К утру четверга состояние Сталина ухудшилось. Началась рвота кровью, отчего давление и пульс стали падать. Такой поворот был довольно неожиданным и озадачил врачей. Собравшись вокруг пациента, они вводили ему лекарства, чтобы стабилизировать падающее давление. На дежурстве в это утро был Булганин, наблюдавший за каждым их движением. Одним из врачей был Александр Мясников. Он заметил, как Булганин смотрел на них «подозрительно и, пожалуй, враждебно». Булганин спросил о причинах кровавой рвоты у Сталина. Мясников смог лишь предположить, что, возможно, это результат мелких кровоизлияний в стенке желудка в связи с гипертонией и мозговым инсультом. Ответ Булганина был полон сарказма. «Возможно?» – передразнил он Мясникова. «А может быть, у него рак желудка, у Сталина?» В голосе чувствовалась нескрываемая угроза, но он позволил врачам продолжить лечение. Скорее всего, Булганин был напуган не меньше их^[70].

Они продолжали делать все возможное. Чтобы избежать пролежней, врачи втирали в спину пациента камфорное масло. У Сталина была икота, а на губах и коже обозначились отчетливые признаки цианоза. Пытаясь обеспечить пациенту питание, врачи применили клизмы: дважды в день комплекс с глюкозой, плюс еще один комплекс, который они называли «питательными клизмами», со 100 граммами сливок и яичным желтком – тоже два раза в день. Больше они вряд ли могли что-то сделать^[71].

Вечером Кремль опубликовал третий бюллетень о состоянии Сталина. Новости были неутешительными. Электрокардиограмма выявила новые повреждения в задней стенке сердца и «острые нарушения кровообращения в коронарных артериях сердца». Был момент, когда кровяное давление резко упало^[72].

После того как стране и миру сообщили о состоянии Сталина, Берия и Маленков выступили с инициативой провести вечером внеочередное заседание партии и правительства. Триста членов Центрального комитета, Совета Министров и Верховного Совета собрались в Свердловском зале Кремля. Одним из них был Константин Симонов. Он писал:

«Несколько сот людей, среди которых почти все были знакомы друг с другом, знали друг друга по работе, знали в лицо, по многим встречам, – несколько сот людей... сидели совершенно молча, ожидая начала. Сидели рядом, касаясь друг друга плечами, видели друг друга, но никто никому не говорил ни одного слова. Никто ни у кого ничего не спрашивал. И мне казалось, что никто из присутствующих даже и не испытывает потребности заговорить. До самого начала в зале стояла такая тишина, что, не пробыв сорок минут сам в этой тишине, я бы никогда не поверил, что могут так молчать триста тесно сидящих рядом друг с другом людей».

Все они, конечно, думали, что Сталин находится под наблюдением врачей здесь же, через один или два коридора. Его предполагаемое присутствие, казалось, подчеркивало серьезность момента. Среди примерно десятка человек, занявших передние места, было два малоизвестных сотрудника Госплана – Максим Сабуров и Михаил Первухин, которых Сталин всего за несколько месяцев до этого включил в состав обновленного Бюро Президиума, а Молотов с Микояном, ранее исключенные Сталиным из Бюро, сидели рядом. Поскольку Сталин пока еще дышал, новое руководство создавало видимость того, что продолжает придерживаться его планов.

Вечернее заседание открыл Маленков. Он объяснил, что Сталин борется за жизнь, но даже если ему удастся обмануть смерть, он еще долгое время будет не в состоянии работать. Международная обстановка требовала, чтобы в такие времена у страны было стабильное руководство. Затем Маленков передал слово Берии. Поднявшись на трибуну, Берия тут же предложил назначить председателем Совета Министров Маленкова. Решение было сразу же принято под аплодисменты собравшихся. Когда Берия направился к своему месту, им с Маленковым пришлось встретиться лицом к лицу в узком проходе между креслами. Пока они протискивались в противоположных направлениях, задевая друг друга толстыми животами, возникла неловкая пауза. В тот момент Симонов не обратил внимания на комический аспект этой неожиданной ситуации. Как он пишет в своих мемуарах, «тогда я подумал об этом без усмешки, даже без намека на нее». Затем Маленков выступил с объяснением вносимых предложений, справедливо полагая, что они не вызовут вопросов и дискуссий. Сталин отстранялся от руководства правительством и партией. До завершения собрания о его здоровье больше не было сказано ни слова. Но судьбоносное решение было уже принято. По воспоминаниям Симонова, «было такое ощущение, что вот там, в Президиуме, люди освободились от чего-то давившего на них, связывавшего их»^[73].

Дочь Сталина по-прежнему находилась рядом с ним на Ближней даче, наблюдая, как жизнь медленно покидает отца. «Последние двенадцать часов уже было ясно, что кислородное голодание увеличивалось», – писала она.

Лицо потемнело и изменилось, постепенно его черты становились неузнаваемыми, губы почернели. Последние час или два человек просто медленно задыхался. Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент – не знаю, так ли на самом деле, но так казалось – очевидно

в последнюю уже минуту, он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью и перед незнакомыми лицами врачей, склонившихся над ним. Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут, – это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть – тут он поднял вдруг кверху левую руку и не то указал ею куда-то вверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ, и неизвестно к кому и к чему он относился... В следующий момент, душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела^[74].

Вечером в 9 часов 50 минут наступила смерть.

Хрущев с остальными также присутствовал при этом. Как только Сталин умер, писал Хрущев, «появился какой-то огромный мужчина, начал его тискать, совершать манипуляции, чтобы вернуть дыхание». Из жалости к Сталину Хрущев возмутился. Он открыто выразил свое недовольство, сказав, что все это бесполезно. Но врачам нужно было показать, что для спасения жизни Сталина они делают все, что только можно себе представить. Слова Хрущева облегчили им задачу, позволив остановиться^[75].

«Как только мы установили, что пульс пропал, дыхание прекратилось и сердце остановилось, – позднее писал Александр Мясников, – в просторную комнату тихо вошли руководящие деятели партии и правительства, дочь Светлана, сын Василий и охрана. Все стояли неподвижно в торжественном молчании долго, я даже не знаю сколько, – около 30 минут или дольше... Великий диктатор, еще недавно всесильный и недосягаемый, превратился в жалкий, бедный труп, который завтра же будут кромать на куски патологоанатомы»^[76].

Берия был единственным, кто немедленно приступил к действиям. Он бросился к дверям и вызвал помощников. «Он первым выскочил в коридор и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра, был слышен его громкий голос, не скрывавший торжества», вспоминала Светлана^[77]. Слова, которые он выкрикнул, подзывая своего шофера: «Хрусталева! Машину!» – вошли в историю и культуру России. Позже Хрущев писал: «Берия, когда умер Сталин, буквально просиял. Он переродился, помолодел, грубо говоря, повеселел, стоя у трупа Сталина, который и в гроб еще не был положен. Берия считал, что пришла его эра. Что нет теперь силы, которая могла бы сдержать его и с которой он должен считаться. Теперь он мог творить все, что считал необходимым». Берия был «палачом и убийцей», но Хрущеву придется запастись терпением и ждать, прежде чем он сможет выступить против Берии^[78].

Светлана осталась в комнате. Она наблюдала за тем, как пришли проститься охрана и прислуга. «Многие плакали навзрыд». Экономка Валентина Истомина, проработавшая у Сталина восемнадцать лет, «грохнулась на колени возле дивана, упала головой на грудь покойнику и заплакала в голос... Долго она не могла остановиться, и никто не мешал ей». Лишь спустя какое-то время, ближе к утру пятницы 6 марта, тело увезли на вскрытие. Светлану, вышедшую вслед за носилками, сопровождал Булганин. Оба они плакали. Прошло шесть часов и десять минут, прежде чем правительство распорядилось приспустить флаг над Кремлем и объявило миру о кончине Сталина. Светлана, тихо сидевшая вместе с прислугой на кухне дачи, слушала печальное известие по радио. Теперь это было уже официально. Сталин умер^[79].

2

Новая чистка

В последние месяцы жизни Сталин намеревался осуществить серьезные перестановки в руководстве партии. И для страны, и для иностранных дипломатов полной неожиданностью стало заявление Кремля в августе 1952 года о том, что в начале октября в Москве состоится XIX съезд партии, впервые после тринадцатилетнего перерыва. (При этом правила предписывали проведение съезда каждые три года.) Предварительное уведомление не оставляло сомнений в том, что Сталин объявляет радикальную реформу партийной структуры: упразднение Политбюро в составе девяти человек и замену его расширенным Президиумом из двадцати пяти. Кроме того, с докладом от имени Центрального комитета на съезде должен был выступить Георгий Маленков. Поскольку начиная с 1925 года главный доклад на партийных съездах делал сам Сталин, подобный сигнал о возможной преемственности власти предвещал историческую встречу.

Сталин еще больше усугубил ожидания от съезда, выступив с заявлением об экономической политике. За три дня до открытия съезда главный теоретический журнал партии *Большевик* опубликовал его длинную статью примерно в 25 тысяч слов под названием «Экономические проблемы социализма в СССР». Считалось, что работа над текстом была закончена несколькими месяцами ранее, но Сталин намеренно публиковал его именно сейчас, чтобы заслонить остальные темы съезда. Следуя привычной сталинской мегаломании, Кремль всеми средствами подчеркивал важность этой работы. *Большевик* напечатал дополнительные 300 тысяч экземпляров сверх своего обычного полумиллионного тиража. *Правда* в следующие два дня выходила в расширенном виде с полным текстом сталинской статьи. Одновременно специальным тиражом в 1,5 миллиона вышла брошюра, и к 1 января 1953 года было опубликовано 20 миллионов экземпляров. Весь октябрь в одной только Москве двести тысяч агитаторов читали и обсуждали работу Сталина на предприятиях, в учреждениях и школах^[80].

Это должно было стать последним авторитетным высказыванием Сталина по важнейшим вопросам общественной политики. На первый взгляд, статья была его ответом на долгую дискуссию, которая велась уже на протяжении пятнадцати лет и касалась нового учебника политэкономии СССР. У Сталина были свои особые причины высказаться на эти темы. Хотя статья была переполнена «высокими теоретическими истинами», которые едва ли поднимались «над уровнем банальности», как выразился историк Адам Улам, за этой сталинской инициативой стояла серьезная цель, и она не предвещала ничего хорошего для советского общества.

Сталин использовал эту возможность, чтобы задать тон предстоящему съезду и подготовить почву для проведения новой чистки. Он рекомендовал, например, дальнейшее ужесточение контроля над советскими колхозами. Для Сталина, как подметил Улам, колхозная система «была недостаточно социалистической»^[81]. Теперь он предлагал «поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности», чтобы земельные наделы колхозников, на которых они работали ради обеспечения себя и своих семей минимумом продовольствия, были переданы в собственность государства^[82]. Также ранее имели место призывы сократить приоритетное финансирование тяжелой промышленности и расширить производство товаров народного потребления. И здесь Сталин не желал слышать ничего подобного. Страна по-прежнему находилась в условиях «капиталистического окружения», что требовало непропорциональных вложений в тяжелую промышленность для поддержания массового производства вооружений. Советские потребители подождут. Зато он включил в статью неосуществимый призыв к сокращению рабочего дня, предложив перейти к шестичасовому, а затем и пятичасовому трудовому графику, когда по мере перехода от социализма к коммунизму

для этого созреют условия. Он призывал к улучшению жилищных условий граждан, к удвоению реальных доходов – все это были предложения, которые ни к чему не вели.

Среди множества страниц, посвященных экономике, один пассаж в самом начале статьи привлек особое внимание читателей как внутри страны, так и за ее пределами. Империалистические державы, по утверждению Сталина, переживали кризис, конкурируя друг с другом за доступ к природным ресурсам и новым рынкам, и тяготились американской гегемонией. С точки зрения Сталина, экономическое возрождение Германии и Японии предвещало возобновление их конкуренции с Соединенными Штатами. Американцы продвигали план Маршалла, чтобы распространить свой контроль на послевоенную Европу в надежде убедить новые «народные демократии» присоединиться к плану Маршалла и тем самым расширить сферу влияния американского империализма. Но социалистический блок отверг это искушение – Сталин, по сути, заставил Польшу и Чехословакию отказаться от плана Маршалла – и успешно создал собственный конкурирующий рынок. Это решение оградило природные ресурсы этих стран от ненасытных appetites американского капитализма. Страны социалистического блока, заявлял Сталин, действуют в полном согласии друг с другом. Кризис ждет именно капиталистические страны. Они все более яростно будут конкурировать за рынок, который, вопреки их ожиданиям, будет заметно меньше, и за доступ ко все более скудным запасам природных ресурсов. По словам Сталина, «некоторые товарищи утверждают, что в силу развития новых международных условий после Второй мировой войны войны между капиталистическими странами перестали быть неизбежными. Они считают, что противоречия между лагерем социализма и лагерем капитализма сильнее, чем противоречия между капиталистическими странами». Однако же, по мнению самого Сталина, «неизбежность войн между капиталистическими странами остается в силе».

Это предостережение заслонило его пространные рассуждения об экономике и повлияло на настроение и дискурс предстоящего партийного съезда. Он оставался у руля. Никому не удастся помешать проведению его жесткой идеологической линии в экономике страны или международных отношениях. Как заметил Гарри Шварц из *The New York Times*, Сталин «дал понять всему миру, что считает свое правление далеко не законченным и что, по его мнению, любые рассуждения о его преемнике преждевременны». Именно Сталин по-прежнему был «тем, кто определяет линию партии, которой все остальные обязаны следовать»^[83].

На церемонии открытия съезда делегаты с нетерпением ожидали появления на сцене руководителей СССР. Член французской делегации Огюст Лекёр был уверен, что группу возглавит сам Сталин, подобно тому, как всегда первым занимал свое место Морис Торез, глава французских коммунистов. Сидя в зале, Лекёр замер в ожидании, словно набожный служака в церкви, который собирается увидеть божество. Но вместо этого советские руководители выходили на сцену через небольшую дверь в алфавитном порядке, и Сталин шел ближе к концу. Затем Сталин лично похлопотал о некоторых гостях, демонстрируя радушие гостеприимного хозяина. Заметив, что Морис Торез и Клемент Готвальд из Чехословакии и Долорес Ибаррури из Испании – знаменитая Пассионария – сидят в специальной ложе, а не на возвышении Президиума, Сталин встал с места и пригласил их подняться в Президиум. Он даже подвинул кресло для каждого из них – сугубо театральный жест, призванный привлечь внимание к своей персоне и вызвать восхищенный гул в зале. Жест произвел желаемый эффект. Лекёру, как, несомненно, и другим, поведение Сталина «показалось воплощением скромности и лишь усилило восхищение»^[84]. Затем Сталин занял место с краю стола за трибуной, оставив два пустых кресла между собой и Лазарем Кагановичем и остальными членами Президиума.

Дмитрий Шепилов в то время был главным редактором *Правды*. Он присутствовал на съезде в качестве гостя и спустя годы вспоминал некоторые из наиболее ярких моментов. Шепилов с особым вниманием наблюдал за реакцией Сталина на то, как Маленков читал доклад Центрального комитета. Это всегда было прерогативой Сталина, который использовал

доклад как повод выступить с триумфальными заявлениями, грубо проехаться по своим противникам, таким как Троцкий и Бухарин. Теперь же все выглядело иначе:

В течение всего многочасового доклада Маленков он безучастно и почти без движения смотрел в пространство. Маленков гнал свой доклад в невероятно быстром темпе, время от времени искоса снизу вверх поглядывая на Сталина, как умная лошадь на своего старого седока. Как вечный приближенный, знающий повадки Сталина, Маленков внутренне трепетал: вдруг Сталин сделает хорошо известное всем придворным свое нетерпеливое движение или достанет из брючного кармана свои золотые часы «Лонжин». Это значит, что он недоволен, и тогда, чтобы не вызвать гнева, придется комкать доклад и заканчивать его на любой стадии. Ведь недовольство и тем более гнев Сталина неизмеримо более страшная вещь, чем конфуз перед тысячной аудиторией. Но все обошлось благополучно. Сталин дослушал доклад^[85].

Он и не думал уходить от дел.

Стороннему наблюдателю произносимые на съезде речи показались бы образчиками стандартной безжизненной риторики сталинской эпохи: уверения в беззаветной преданности, обязательства выполнить задачи пятилетки, обещания с удвоенной энергией изучать теорию марксизма-ленинизма, которая лежала в основе любой надежной экономической и политической деятельности. Но во многих речах и, в частности, в докладе ЦК – главном документе съезда – отчетливо звучала беспокоящая тема идеологической бдительности. С учетом драматических событий, которым предстояло развернуться в последующие несколько месяцев, подобные высказывания при всей их победоносной риторике предупреждали партийных деятелей о том, что нужно быть начеку.

Пробуждая ледянище души воспоминания, Маленков обратился к чисткам 1930-х годов, когда партия вела непримиримую борьбу «с капитулянтами и предателями, пытавшимися свернуть партию с правильного пути и расколоть единство ее рядов». «Доказано, – заявлял Маленков, – что эти гнусные предатели и изменники ждали военного нападения на Советский Союз, рассчитывали нанести в трудную минуту Советскому государству удар в спину». Но ликвидация таких врагов, как Троцкий и Бухарин, обеспечила сплочение и единство страны, не дав «пятой колонне» подорвать ее моральный дух во время войны. «Если бы это своевременно не было сделано, то в дни войны мы попали бы в положение людей, обстреливаемых и с фронта, и с тыла, и могли проиграть войну». Маленков был, безусловно, искренен, утверждая, что чистки ликвидировали «пятую колонну», которая в противном случае поставила бы страну под угрозу во время последовавшей вскоре войны. Призыв к бдительности был главной темой на съезде, ясным и угрожающим сигналом того, что стране требовалось вести холодную войну и на внутреннем фронте^[86].

Обращаясь к болезненному и зловещему уроку, Маленков хотел избежать его ошибочного понимания своей аудиторией и страной. Да, говорил он, после триумфальной победы коммунистической революции в Китае и создания социалистических демократий в Центральной и Восточной Европе Советский Союз «теперь уже не является одиноким островом, окруженным капиталистическими странами». Этот тезис противоречил предупреждению об угрозе «капиталистического окружения». Но изменения на международной арене не должны дать советским гражданам повод думать, что безопасность государства гарантирована. Сталин всегда говорил, что по мере движения страны к коммунизму классовая борьба будет обостряться. «Мы не застрахованы также от проникновения к нам чуждых взглядов, идей и настроений извне, – заявлял Маленков, – со стороны капиталистических государств, и изнутри, со стороны недобитых партией остатков враждебных советской власти групп». Если предыдущий раунд

борьбы с «врагами народа» подготовил Советское государство к смертельной схватке с нацистской Германией, то для обеспечения безопасности государства теперь, по словам Маленкова, может потребоваться новая кампания против враждебных идеологических элементов. Такова была параноидальная перспектива, которую Сталин собирался вновь навязать стране^[87].

Александр Поскребышев, заведующий канцелярией Сталина в Кремле, высказался на близкую тему, при этом его слова были одними из самых радикальных на съезде. «Товарищ Сталин учит, что охрана социалистической собственности является одной из основных функций нашего государства. Советский закон строго карает расхитителей общественного добра... Вор, расхищающий народное добро и подкапывающийся под интересы народного хозяйства, есть тот же шпион и предатель, если не хуже»^[88]. Смысл его слов станет ясным вскоре после съезда.

Собственная речь Сталина прозвучала в заключительный день собрания. До этого, если не считать полностью выслушанной им речи Молотова, он держал дистанцию, появляясь время от времени на пятнадцать – двадцать минут. Эта неуловимость была частью его шарма. Шепилов вспоминал:

Сталин выступал публично очень редко: в отдельные периоды один раз в несколько лет. Поэтому попасть на его выступление, послушать и увидеть живого Сталина считалось величайшей редкостью и счастьем. И любой человек, попавший на выступление Сталина, старался не пропустить ни звука. Вместе с тем на протяжении трех десятилетий вся печать, радио, кино, все средства устной пропаганды и искусства внушали людям мысль, что каждое слово Сталина – это высшее откровение, это абсолютная марксистская истина, кладезь мудрости, познание нынешнего, прорицание будущего. Вот почему зал всегда находился под гипнозом всего этого и слушал Сталина заворуженно^[89].

Этой речи было суждено стать последним публичным выступлением Сталина. Когда Ворошилов объявил его, произнеся: «Слово предоставляется товарищу Сталину», весь зал поднялся, «громовые овации сотрясали здание дворца». Но Сталин, казалось, был безразличен к восторгам присутствующих. «По его лицу нельзя было определить, какие чувства испытывал в этот момент диктатор, – писал Шепилов. – Иногда он переминался с ноги на ногу и указательным пальцем поглаживал усы или потирал подбородок. Пару раз он поднимал руку, как бы прося аудиторию позволить ему начать говорить. В эти моменты овации удесятерались»^[90].

Сталин оставался во власти, но его голос и внешние признаки старения не могли не обратить на себя внимания. Он невнятно произносил слова (явный признак предыдущих микроинсультов), а пожелтевшая кожа и поредевшие седые волосы подчеркивали его недолговечность. Его замечания были краткими и едва ли заняли больше десяти минут, они сводились к одной теме. Он выразил благодарность братским коммунистическим партиям, представители которых находились в зале, особо выделив присутствовавших здесь руководителей французской и итальянской партий – товарищей Тореза и Тольятти, поскольку они обещали, что «их народы не будут воевать против Советского Союза». Ни словом не был упомянут Мао Цзэдун, хотя китайский лидер был самым выдающимся коммунистом после самого Сталина. Особо отметить китайскую делегацию и победу революции в их стране Сталин предоставил другим. Он призвал своих товарищей-коммунистов продолжать неустанную защиту мира, предупредить развязывание войны капиталистическими правительствами, что было главным приоритетом советской внешней политики с тех пор, как американцы сбросили атомные бомбы на Японию.

Затем Сталин поставил перед ними еще одну задачу. Буржуазия становилась все «более реакционной», теряя «связи с народом». Она уже научилась «либеральничать, отстаивала буржуазно-демократические свободы и тем создавала себе популярность в народе». Сталин под-

черкивал, что «права личности признаются теперь только за теми, у кого есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации... Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт». Он продолжал: «...это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше никому его поднять». Присутствовавшие – сплошь непоколебимые сторонники идеи – внимали Сталину как замороженные. Когда он закончил речь – а последние его слова были «Долой поджигателей войны!», – аудитория знала, как реагировать. Как писала газета *Правда*, все поднялись с мест. Раздались «бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Слышались возгласы: "Да здравствует товарищ Сталин!", "Товарищу Сталину ура!", "Да здравствует великий вождь трудящихся мира товарищ Сталин!"»^[91]. Ритуал растянулся на долгие минуты, что, несомненно, льстило тщеславию Сталина. Никто, кроме него, не вызывал подобного неестественного обожания. Спустя годы Хрущев утверждал, что эта короткая речь Сталина показала ему и коллегам, что силы Сталина на исходе. «И мы все сделали вывод, насколько уже он слаб физически, если для него оказалось невероятной трудностью произнести речь на семь минут»^[92]. Но даже если Хрущев и другие действительно подумали так в тот момент, они никогда не решились бы высказать это вслух.

Делегаты вернулись домой успокоенные. Серьезных перемен, похоже, на горизонте не просматривалось. Все основные партийные фигуры были на месте: Молотов открывал собрание, Ворошилов закрывал его. Берия, Каганович, Хрущев выступили перед делегатами, а Маленков зачитал доклад Центрального комитета вместо Сталина. Помимо прочего, съезд принял две второстепенные резолюции: изменить официальное название партии, долгое время носившей неуклюжее имя «Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)», на более благозвучное «Коммунистическая партия Советского Союза», а также переименовать Политбюро в Президиум и расширить его состав до двадцати пяти человек, сделав его более трудноуправляемым.

Именно в этом Сталин реализовал свои подспудные планы относительно съезда. С тех пор как страна в последний раз пережила смену руководства, прошли десятилетия. Сталин был решительно настроен и дальше держаться за власть, а также хотел напомнить своим приспешникам, насколько они не готовы стать его преемниками. Как пишет Хрущев в своих воспоминаниях, «он любил повторять нам: "Слепцы вы, котята, передушат вас империалисты без меня"»^[93]. Сталин посылал сигнал ветеранам из своего окружения. В расширенный Президиум должны были войти несколько малоизвестных и едва ли опытных людей, чье присутствие в расширенной группе подчеркивало шаткость позиций сталинских «соратников». Как выразился Шепилов, «состав Президиума (Политбюро) был разжижен за счет людей весьма посредственных и неизвестных партии и народу»^[94].

Сталину нравилось порочить имена потенциальных наследников и демонстрировать, насколько каждый из них не годится для этой роли. По словам Хрущева, Сталин испытывал удовольствие, отпуская в их адрес колкости:

Кого после меня назначим Председателем Совета Министров СССР? Берию? Нет, он не русский, а грузин. Хрущева? Нет, он рабочий, нужно кого-нибудь поинтеллигентнее. Маленкова? Нет, он умеет только ходить на чужом поводке. Кагановича? Нет, он не русский, а еврей. Молотова? Нет, уже устарел, не потянет. Ворошилова? Нет, стар и по масштабу слаб. Сабуров? Первухин? Эти годятся на вторые роли. Остается один Булганин^[95].

Уже через пару дней после съезда Сталин в своих нападках зашел еще дальше.

16 октября в Свердловском зале Кремля собрался пленум Центрального комитета. Около двухсот делегатов собрались за закрытыми дверями и заседали в течение двух с половиной

часов. Официально пленуму предстояло избрать членов недавно расширенного Президиума. Выступление Сталина заняло почти половину всего времени, и своими репликами он задал собранию совершенно неожиданное направление. Дмитрий Шепилов накануне был избран членом ЦК. Он появился на своем первом заседании, взволнованный тем, что оказался в числе руководителей партии.

Однако очень скоро он увидел, насколько иначе все происходит вдали от посторонних глаз. Когда Сталин вошел в зал, группа более молодых участников пленума вскочила на ноги, чтобы приветствовать его овацией и славословиями так же, как это происходило на партийном съезде. Но Сталин выразил неудовольствие и «произнес что-то вроде: "Здесь этого никогда не делайте"»^[96]. По-видимому, за закрытыми дверями подобные ритуальные проявления обожания воспринимались как неуместные.

Но больше всего Шепилова, как и писателя Константина Симонова и некоторых других присутствовавших, встревожила речь Сталина. На съезде партии Сталин ограничился короткими репликами, но здесь, на пленуме, он проговорил больше часа, не заглядывая в конспекты. Тон его выступления был столь же леденящим, сколь и произносимые им слова. «Говорил он от начала и до конца все время сурово, без юмора, – отмечал Симонов, – никаких листов или бумажек перед ним на кафедре не лежало». Он сказал, что стареет, даже выразил готовность покинуть пост генерального секретаря, оставив за собой лишь место главы правительства. Пораженные этим предложением, присутствовавшие настаивали на том, чтобы он и дальше возглавлял партию. Сталин, что совсем неудивительно, согласился (годы спустя Маленков выразил мнение, что Сталин говорил о своей отставке не всерьез, а лишь для того, чтобы дать возможность своим затаившимся врагам открыто проявить себя). Тем не менее из слов Сталина вытекало, что «приближается время, когда другим придется продолжать делать то, что он делал, что обстановка в мире сложная и борьба с капиталистическим лагерем предстоит тяжелая и что самое опасное в этой борьбе дрогнуть, испугаться, отступить, капитулировать». Сталин хотел знать, хватит ли у его преемников сил, чтобы справиться с этой задачей^[97].

После этого, к удивлению всех присутствовавших в зале, Сталин обрушился на трех своих давних сподвижников – Вячеслава Молотова, Анастаса Микояна и Климента Ворошилова. Он «с презрительной миной говорил, что Молотов запуган американским империализмом, что, будучи в США, он слал оттуда панические телеграммы, что такой руководитель не заслуживает доверия, что он не может состоять в руководящем ядре партии»^[98]. Затем в подобных же выражениях он отозвался о Микояне и Ворошилове, поставив под сомнение их политическую благонадежность. По мнению исследователей Йорама Горлицкого и Олега Хлевнюка, особенно возмущало Сталина то, что Молотов и Микоян выступали за увеличение государственной поддержки сельского хозяйства. Страна испытывала острую нехватку продовольствия, но Сталин, никогда не доверявший крестьянству, настаивал на «долговременной политике ускоренного роста военно-промышленного сектора и тяжелой индустрии» и был против каких-либо поблажек колхозникам^[99]. Он всегда был рад выдавить из них еще больше. В этом могла заключаться непосредственная причина его ярости. Но его полные злобы реплики очень хорошо укладываются в традицию «обманчивого обаяния, неспровоцированного садизма, подозрительности и презрения», которыми были отмечены отношения Сталина со всеми его ближайшими соратниками^[100]. Его страх перед возможными соперниками, его неприязнь к любому, чьи знания могли бросить тень сомнения на его собственное всеведение, его нежелание заранее подумать о преемнике – все это заставляло Сталина время от времени обличать их – то одного, то другого.

Слушая Сталина, Шепилов испытывал одновременно и восхищение, и отвращение. «Ощущение было такое, будто на сердце мне положили кусок льда», – вспоминал он. Подобно остальным сидящим в зале, он «переводил глаза со Сталина на Молотова, Микояна и опять

на Сталина. Молотов сидел неподвижно за столом Президиума. Он молчал, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Через стекла пенсне он смотрел прямо в зал и лишь изредка делал тремя пальцами правой руки такие движения по сукну стола, словно мял мякиш хлеба»^[101]. Как позднее писал сын Хрущева, Сергей, «Молотова Сталин записал в американские шпионы, Ворошилов числился в английских, чей шпион Микоян, вождь пока не решил»^[102]. Никита Хрущев также вспоминал, как нарастало враждебное отношение Сталина к Молотову и Микояну. При каждой встрече он старался как-то уязвить их. Для Хрущева было очевидно, что «их жизнь в опасности»^[103]. Микоян был хорошо осведомлен о сталинских планах. За несколько недель до смерти Сталина, Микоян узнал от одного из товарищей, что Сталин намерен созвать пленум Центрального комитета, на котором собирается «свести счеты» с ним и с Молотовым, изгнав их из Президиума и из состава ЦК. Речь шла не просто о политической опале, а о «физическом уничтожении»^[104]. Так думал и Хрущев. В своем секретном докладе в 1956 году он заявил, что, очевидно, Сталин планировал «уничтожить старых членов Политбюро»^[105].

Многие считали Молотова ближайшим соратником Сталина. Он работал еще с Лениным и многие годы занимал высшие должности в советской иерархии, в том числе пост председателя Совета народных комиссаров в 1930-е годы, а затем главы наркомата иностранных дел во время войны. В те годы он был, безусловно, самым узнаваемым советским дипломатом, благодаря своим очкам без оправы и непреклонной позиции в качестве переговорщика. Однако Сталин годами публично унижал Молотова – и мог начать вести себя точно так же с любым членом Политбюро, добиваясь личной преданности. Во время Большого террора 1937 и 1938 годов помощники Молотова были арестованы, а в отношении самого Молотова шел сбор материала. В 1939 году органы госбезопасности сфабриковали дело против его жены Полины Жемчужиной (которая была еврейкой), ветерана партии большевиков с большим опытом работы в парфюмерно-косметической, пищевой и рыбной отраслях. Ее обвинили в том, что у себя в наркомате она пригрела «вандалов», «диверсантов» и даже германских шпионов^[106]. Жемчужину сняли с поста народного комиссара рыбной промышленности, и за увольнением могли последовать более жесткие меры. Но потом Сталин по каким-то соображениям решил сдать назад. Полину не арестовали, и она продолжила работать в советской торговле, получив должность в наркомате легкой промышленности. О причинах неприязни к ней Сталина ходит множество слухов. Говорили, что она поддерживала особо близкие отношения со второй женой Сталина Надеждой Аллилуевой и, возможно, была последним человеком, видевшим ее живой накануне самоубийства в ноябре 1932 года.

Молотов оставался крайне уязвимым. В мае 1941 года, всего за месяц до вторжения немцев, его сняли с поста председателя Совета народных комиссаров. В декабре 1945 года, через несколько месяцев после окончания войны, Сталин направил по телеграфу довольно жесткое письмо Берии, Маленкову и Микояну, в котором выразил недоверие Молотову. «Я убедился в том, – писал Сталин, – что Молотов не очень дорожит интересами нашего государства и престижем нашего правительства, лишь бы добиться популярности среди некоторых иностранных кругов. Я не могу больше считать такого товарища своим первым заместителем». Далее Сталин еще больше дискредитировал Молотова, поручив всем троим вызвать Молотова к себе и прочесть ему эту телеграмму. Как объяснил Сталин, он не стал посылать уведомление самому Молотову, так как не верил «в добросовестность некоторых близких ему людей», поэтому решил подрядить других членов высшего руководства для участия в этом ритуальном унижении. Молотов с типичным подобострастием ответил: «Постараюсь делом заслужить твое доверие, в котором каждый честный большевик видит не просто личное доверие, а доверие партии, которое мне дороже жизни»^[107].

Сталин вновь обратил внимание на Жемчужину в 1949 году. Ее арестовали по обвинению в националистической деятельности и сотрудничестве с другими крупными фигурами советского еврейства, в том числе с Соломоном Михоэлсом, актером, игравшим на идише, и теат-

ральным режиссером. Михоэлс был убит по личному приказу Сталина в январе 1948 года, а его смерть представили как дорожно-транспортное происшествие. (В те времена, чтобы прослыть националистом, достаточно было слишком явно выражать сочувствие страданиям еврейского народа или поддерживать создание еврейского государства на Ближнем Востоке.) После ареста Жемчужину отправили в ссылку в Казахстан, где она провела пять лет. Молотова ждало очередное унижение: Сталин настоял на том, чтобы тот развелся с женой, а после этого снял с поста министра иностранных дел. В марте 1949 года его сменил Андрей Вышинский. «Между мной и Сталиным, как говорится, пробежала черная кошка» – вот и все, что мог сказать Молотов^[108]. Однако, будучи первым заместителем председателя Совета министров, он оставался членом Политбюро.

Но Сталин еще не закончил с Молотовым. На пленуме партии в октябре 1952 года Сталин объявил об образовании Бюро Президиума из девяти членов, которым предстояло взять на себя исполнительные функции прежнего Политбюро – своего рода внутреннее правительство, существование и состав которого держались в секрете от общественности. Возглавить его должен был, разумеется, сам Сталин. При том что Молотов, Микоян и Ворошилов оставались в Президиуме, их фамилии не были включены в список членов этого нового Бюро. Сталин понизил Молотова в должности, в частности, давая понять, что никому не позволит затмить себя в роли вождя. У Микояна, который тоже ощущал нависшую над ним угрозу, сложилось впечатление, что причина создания расширенного Президиума была более циничной. Как он пишет в своих воспоминаниях, «при таком широком составе Президиума в случае необходимости исчезновение негодных Сталину членов Президиума было бы не так заметно. Если, скажем, из 25 человек от съезда до съезда исчезнут пять-шесть человек, то это будет выглядеть как незначительное изменение. Если же эти 5–6 человек исчезли бы из числа девяти членов Политбюро, то это было бы более заметно»^[109]. Тем не менее словесные эскапады Сталина имели лишь частичные последствия. Молотов продолжал получать правительственные документы, касающиеся иностранных дел, даже когда его исключили из правящей группы.

Как минимум двое участников пленума покинули его с ощущением, что Сталин психически нездоров. Шепилов задавался вопросом, «а не является ли все это результатом шизофренической мнительности Сталина?»^[110]. По мнению адмирала Николая Кузнецова, Сталин производил впечатление больного человека^[111]. Разумеется, их комментарии увидели свет лишь многие годы спустя. Оба могли быть вполне искренни, но, возможно, в их словах отразилось осуждение культа Сталина, начатое Хрущевым в 1956 году на XX съезде партии и продолженное с еще большим размахом в 1961 году на XXII съезде. Пока в выступлениях руководителей партии, таких как Хрущев, не прозвучал соответствующий сигнал, Шепилову и Кузнецову и в голову не приходило ставить под вопрос психическое здоровье Сталина.

На первый взгляд, непонятно, почему осенью 1952 года Сталин избрал своей мишенью Молотова, Микояна и Ворошилова. Почему не Кагановича или Хрущева? Каганович играл в партии особенно заметную роль. В 1930-е годы, когда Сталин отлучался из Москвы, Каганович брал на себя его обязанности. К началу 1950-х он оставался единственным евреем в составе Политбюро, и было бы нетрудно обвинить его в участии в какой-нибудь «подпольной организации» или «заговоре» из множества выдуманных Сталиным. Во время Большого террора 1937 года на очередных витках репрессий он оказывался под угрозой. Среди его ближайших сотрудников и заместителей в наркомате путей сообщения, руководителем которого он являлся, шли многочисленные аресты. Каганович поддерживал дружеские отношения с командармом Ионой Якиром, который также был евреем и стал одной из главных жертв чистки в армии. И пока чистка набирала обороты, Сталин расспрашивал Кагановича об их дружбе. Сталин сообщил ему, что некоторые из арестованных военных указали на участие Кагановича в их «контрреволюционной организации» – это обвинение сфабриковали следователи госбезопасности. А брат Кагановича Михаил, одно время бывший народным комиссаром авиационной

промышленности, был смещен с поста по подозрению в «контрреволюционной деятельности», после чего вскоре Михаил Каганович покончил с собой.

Хрущев, будучи выходцем из Украины, также мог попасть под удар. Хорошо известно, что украинцы в партийном руководстве раз за разом становились объектами репрессий за мнимые проступки и предательские действия. Более того, в 1951 году Хрущев был публично подвергнут критике в прессе за некоторые провалы в сельскохозяйственной политике, а такое обвинение легко было раздуть до масштабов преступной деятельности вроде «вредительства» или «саботажа». В своем выступлении на съезде партии Маленков даже упоминал об этом инциденте. Но ни Хрущев, ни Каганович не стали мишенями, в отличие от Молотова и Микояна. Олег Витальевич Хлевнюк, один из самых компетентных и проницательных современных исследователей сталинской эпохи, заметил, что «историки вряд ли сумеют проникнуть в мрачные глубины расчетов и настроений Сталина, определявшего судьбу своих соратников»^[112]. Хлевнюк писал о 1930-х годах и Большом терроре, но похожие механизмы туманных расчетов продолжали действовать и в последние годы жизни Сталина. Несмотря на это, можно предположить, что Молотов, Микоян и Ворошилов были выбраны в качестве жертв потому, что были последними из оставшихся «старых большевиков» наверху партийной иерархии. Ведущую роль в жизни партии они начали играть еще во время революции и Гражданской войны, так что их уязвимость была не такой необъяснимой, как это могло показаться.

Сталинские «соратники» никогда не забывали о судьбе первоначального ленинского Политбюро. Лев Каменев и Григорий Зиновьев были казнены в августе 1936 года после первого большого процесса. Григорий Сокольников был обвиняемым на втором процессе, состоявшемся в 1937 году. Осужденный и приговоренный к десяти годам лагерей, в мае 1939 года он, по слухам, был убит другими заключенными по приказу органов госбезопасности. Андрей Бубнов был арестован в 1937 году и казнен через год или два при невыясненных обстоятельствах; он так и не предстал перед судом. Лев Троцкий был убит в Мехико в августе 1940 года в результате покушения, организованного по личному приказу Сталина. Лишь Ленин и Сталин умрут своей смертью. Как однажды признался Хрущев, после встречи со Сталиным никто не мог быть уверен в том, что живым доберется до дома. В глазах общества все они были его «соратниками». На самом же деле они являлись потенциальными жертвами все то время, пока он оставался у власти.

Будучи кандидатом в президенты, Дуайт Эйзенхауэр был осведомлен о написанной Сталиным политэкономической статье и о его выступлении на партийном съезде. Через несколько дней после завершения съезда Эйзенхауэр прибыл в Нью-Йорк, чтобы выступить с докладом на ужине Мемориального фонда Альфреда Смита в отеле «Уолдорф-Астория». После того как кардинал Фрэнсис Спеллман представил Эйзенхауэра, назвав его одним из «величайших людей в истории Америки», тот произнес речь, в которую включил короткий ответ на заявления Сталина. Эйзенхауэр сказал, что кремлевские лидеры наметили «дипломатию, которая предусматривает, что страны свободного мира должны в конце концов разделиться на лагеря и начать поедать друг друга». Он предположил, что «Советский Союз, возможно, готов приступить к реализации новой международной программы "холодного мира", чтобы замаскировать предстоящую агрессию». Эйзенхауэр бросал Сталину вызов. «Самое любопытное из всех противоречий, – продолжал он, – это факт, что советская политика постоянно пугается демонов собственного изобретения. Так, самоиндуцированная истерия, вызванная страхом перед нападением Запада, довела Советы до такой свирепости, которая, как ничто другое, сплотила свободный мир в противостоянии им»^[113]. В оставшиеся до выборов недели Эйзенхауэр вряд ли был настроен на примирительный лад. Кремль в это время был погружен в жаркие споры о вероятной войне между западными державами, а конфликт в Корее столкнул американские военные силы с войсками северокорейских и китайских коммунистов.

Вопреки риторике Сталина, именно коммунистический мир переживал политические потрясения. 17 сентября газета *L'Humanité* разоблачила «раскольническую деятельность» двух исторических фигур во Французской коммунистической партии (ФКП) – Андре Марти и Шарля Тийона^[114]. Активные коммунисты на протяжении десятилетий, впервые они получили известность благодаря участию в Черноморском восстании, когда в 1919 году экипажи двух французских боевых кораблей подняли мятеж, отчасти в связи с симпатиями к большевикам во время Гражданской войны в России. Обоих приговорили к тюремному заключению, но через несколько лет амнистировали. В результате их позиция еще больше радикализировалась, и после своего освобождения они вступили в ФКП. Во время Второй мировой войны Тийон возглавлял французских партизан-коммунистов, а его отряды устраивали взрывы и диверсии против немецких оккупантов. После освобождения Тийон стал одним из немногих лидеров ФКП, вошедших в состав кабинета министров. В период с 1944 по 1947 год он последовательно занимал посты министра авиации, министра вооружений и министра промышленной реконструкции в кабинете Шарля де Голля и других премьер-министров. Марти при этом прославился своей ролью политического комиссара Интернациональных бригад в Испании, где его яростное проведение в жизнь партийной идеологии сопровождалось самочинными расправами с бесчисленными добровольцами. Эрнест Хемингуэй нарисовал шокирующий портрет Марти в своем романе «По ком звонит колокол»: «Нет ничего опаснее, чем обращаться к нему с каким-нибудь вопросом»^[115]. Илья Эренбург также был знаком с Марти в Испании. Ему не нравился Марти, и он всячески старался избегать встреч с ним. В воспоминаниях Эренбурга, прошедших цензуру и опубликованных в Москве в 1960-е годы, Марти описан как человек, «легко подозревавший других в предательстве, вспыльчивый и не раздумывавший над своими решениями... он говорил, а порой и поступал, как человек, большой манией преследования»^[116].

Но фанатичной преданности Сталину для Марти оказалось недостаточно, чтобы оставаться на хорошем счету в ФКП. В заметке, опубликованной в *The New York Times* 5 октября, как раз в день открытия XIX съезда партии в Москве, Сайрус Леопольд Сульцбергер писал, что предстоящие перестановки в руководстве большевиков, вероятно, повлекут «структурную оптимизацию» в других партиях. Затем он процитировал статью из французской коммунистической прессы, в которой утверждалось, что «нужно наращивать и укреплять партийную боеготовность во всех странах. Эта мысль, звучащая несколько угрожающе, – заметил Сульцбергер с изрядной долей предвидения, – вероятно, сулит коммунистам больше бед, чем кому бы то ни было еще»^[117]. Вскоре в ФКП началась чистка, которая лишь отдаленно напоминала гораздо более кровавые процессы в Восточной Европе. Как и везде, ее жертвами становились бывшие участники Сопrotивления и ветераны гражданской войны в Испании. Вероятно, в их преданности партийной линии стали сомневаться потому, что они проявили мужество и инициативу в антифашистской борьбе – а эти качества делали их подозрительными в глазах Сталина. Дело Тийона было рассмотрено Центральным комитетом партии в ходе закрытого инсценированного процесса, в результате чего тот был снят с руководящей партийной должности, но из партии не исключен, в отличие от Марти, которого изгнали из ФКП в декабре. Поскольку речь шла о Франции, партия не имела права на более суровые санкции: обвиняемых нельзя было арестовать, пытками добиться ложных признаний или расстрелять за нежелание следовать партийной линии. Тем не менее дело Марти – Тийона затянулось на несколько месяцев, а интерес к нему подогревался новостными колонками и публицистическими статьями в *L'Humanité* и других французских газетах. Коммунисты других стран столкнулись с более страшными последствиями.

В Праге бывший генеральный секретарь Коммунистической партии Чехословакии Рудольф Сланский, еврей, долгие годы преклонявшийся перед Сталиным, ожидал своей участи в тюремной камере. Он был арестован в ноябре 1951 года после серии обвинений в том,

что он и другие руководящие работники Чехословакии были «титоистами» и занимались шпионажем в пользу западных держав с целью подрыва социализма в Чехословакии. Столкнувшись с несговорчивостью Иосипа Броз Тито в Югославии, Сталин почувствовал себя обязанным сделать все, чтобы ни один другой коммунистический лидер не последовал его примеру и не получил возможность разложить еще один коммунистический режим.

Дело Сланского, завершившее череду показательных процессов в странах-сателлитах, стало самым ужасным из всех. После перенесенных пыток обвиняемые – из четырнадцати человек одиннадцать были евреями – признали себя не только «титоистами», но и сионистами, вступившими в сговор с американцами и израильтянами с целью подрыва социалистического строя. Эхо процесса донесется и до Москвы. Маленков на партийном съезде предостерегал, что в советском обществе еще сохраняются «остатки буржуазной идеологии» и что оно не застраховано «от проникновения чуждых взглядов, идей и настроений извне». Происходящее в СССР касалось и других коммунистических партий, особенно в тех странах, где коммунисты добились политической власти. Сталин закладывал основы чего-то зловещего – вероятно, нового раунда чисток в верхах или более широкого наступления на все советское общество с целью разоблачения и уничтожения недавно выявленной «пятой колонны». Это, конечно, не было чем-то принципиально новым, но в атмосфере холодной войны приближавшийся процесс над Сланским со всей его антисемитской риторикой означал нечто более тревожное и неотвратимое: кампанию против евреев, которая должна была охватить весь социалистический блок, и дальнейшие чистки руководящих кадров, включая руководство СССР, в последние месяцы жизни Сталина.

3

Сталинская паранойя и евреи

С началом процесса Сланского в Праге 20 ноября 1952 года советская политика приобрела откровенно антисемитский характер. Сталин лично участвовал в организации процесса, прислав в 1949 году из Москвы специалистов по допросам, которым предстояло контролировать ход расследования и сделать обвиняемых более покладистыми. Один из советских следователей, Владимир Комаров, обладал особыми навыками пыток еврейских заключенных. На вершине своей карьеры Комаров был заместителем начальника следственной части по особо важным делам в Министерстве государственной безопасности (МГБ) СССР. В июле 1951 года в ходе проводимой в органах госбезопасности чистки он сам был арестован. Находясь в камере внутренней тюрьмы МГБ и опасаясь за свою жизнь, Комаров в феврале 1953 года написал отвратительное письмо Сталину, в котором хвастался своей жестокостью и особой ненавистью к еврейским националистам. Он, должно быть, надеялся, что это лучший способ вернуть расположение Сталина.

Арестованные буквально дрожали передо мной, они боялись меня, как огня... Особенно я ненавидел и был беспощаден с еврейскими националистами, в которых видел наиболее опасных и злобных врагов. За мою ненависть к ним не только арестованные, но и бывшие сотрудники МГБ СССР еврейской национальности считали меня антисемитом^[118].

Исходя из слов самого Комарова, нетрудно понять, почему Сталин решил, что тот будет полезен в Праге.

Рудольф Сланский и еще тринадцать арестованных по тому же делу, каждому из которых были предъявлены обвинения в государственной измене, шпионаже и экономическом саботаже, признали свою вину и просили суд назначить им самое суровое наказание. Давая показания в течение целой недели, обвиняемые подтвердили, что, «будучи троцкистско-титовскими, сионистскими буржуазно-националистическими предателями и врагами чехословацкого народа», участвовали в выдуманном заговоре. Решением суда одиннадцать человек были приговорены к смертной казни. То, что троим подсудимым сохранили жизнь, было единственной неожиданностью на процессе. Судьи отметили, что эти трое играли второстепенные роли в заговоре и выполняли приказы Сланского, что снимает с них часть ответственности. Но у этого жеста могла быть и другая, неочевидная причина. Дело в том, что все трое были евреями. Лидер Чехословакии Клемент Готвальд, которому принадлежало последнее слово, вероятно, хотел несколько сгладить впечатление, что процесс пахнет антисемитизмом. Что касается осужденных на смерть, они были повешены на рассвете 3 декабря. Их трупы кремировали, а пепел рассыпали вдоль обледенелого шоссе, чтобы водитель, бывший тайным сотрудником органов, не скользил там на своих шинах.

Это был крупнейший послевоенный процесс в Восточной Европе, на котором сталинский репрессивный аппарат в последний раз показал свое настоящее лицо^[119]. *Правда* ежедневно публиковала сообщения из зала суда, подчеркивая вину подсудимых и обращая особое внимание на их связи с сионистскими и «буржуазно-националистическими еврейскими» подпольными организациями. Радио Бухареста сделало такое типичное заявление: «Среди нас тоже есть преступники, сионистские агенты и агенты международного еврейского капитала. Нам предстоит разоблачить их, и наш долг – ликвидировать их»^[120]. К середине декабря правительства Чехословакии и Польши потребовали от Израиля отозвать своего посла, Арье Кубови, который представлял еврейское государство в обеих этих странах; его обвинили в злоупотреб-

лении своим дипломатическим статусом. Подобный шаг, повлекший эскалацию напряженности с Израилем и Западом в целом, не мог быть предпринят без одобрения Сталина.

Трудно ответить на вопрос, почему именно Рудольф Сланский стал главным обвиняемым. Он не был похож на других крупных деятелей, павших жертвами чистки в Восточной Европе. Он не был ветераном гражданской войны в Испании или героем антифашистского сопротивления. Всю войну он находился в Москве и твердо следовал линии партии, не то что «национал-коммунисты», вызывавшие особое раздражение Кремля после того, как Тито открыто перестал ему подчиняться. Что касается ведущих еврейских и нееврейских коммунистов, Сталин с удовольствием пользовался их слепой преданностью, наивным идеализмом, циничной жадностью власти – чем угодно, что связывало их с делом. А когда приходило время использовать их в другом качестве – в качестве подсудимых на процессе, – Сталин без малейших колебаний мог ткнуть пальцем в любого, кто казался ему наиболее подходящим для исполнения задуманной им роли. Обвиненные в экономическом саботаже, заклеенные как предатели, Сланский и другие ответчики по делу присутствовали в зале суда как живое воплощение западного и еврейского вероломства. Но «Пражский процесс был лишь прелюдией к драме, о которой скоро будет объявлено», как заметила лондонская *The Times*^[121]. 1952 год подходил к концу, и были все основания со страхом ожидать наступления следующего года.

XIX съезд партии в Москве и процесс Сланского в Праге подготовили почву для следующей серии сталинских мероприятий. Воспользовавшись съездом для реформирования Политбюро и делом Сланского для разжигания антисемитских репрессий в Восточной Европе, Сталин готовился провести более широкую чистку руководящих партийных кадров в своей стране. Евреи прекрасно подходили на роль козла отпущения и ширмы. Он мог возбуждать общественное негодование в отношении евреев в рамках стратегии, сочетавшей обвинения евреев в нелояльности с реорганизацией служб безопасности и руководства страны в целом. На каком-то этапе ему предстояло публично объявить о своих намерениях. Серия мнимых преступлений в Украине обозначила новый вектор его безумия.

В последнюю неделю ноября 1952 года газета *Известия* сообщила о вынесении суровых приговоров в отношении лиц, осужденных за экономические преступления, включая производство некачественных товаров, растрату средств, мздоимство и хищения государственной собственности. 1 декабря Особый военный трибунал в Киеве приговорил к смертной казни за «контрреволюционное вредительство» трех человек. Все трое – К. А. Кан, Ярошецкий и Герзон – были, несомненно, евреями. Их обвинили в преступном сговоре в сфере торговли и привлекли к ответственности за потерю «сотен тысяч рублей»^[122]. Впервые для рассмотрения дела, связанного с хозяйственным преступлением, собирався военный суд. Всего за несколько недель до этого на партийном съезде Поскребышев предупреждал, что «вор, расхищающий народное добро и подкапывающийся под интересы народного хозяйства, есть тот же шпион и предатель, если не хуже». Теперь его угроза приносила плоды. Выбранная Сталиным мишень была очевидна каждому, кто умел читать.

Но жертвами становились не только отдельные евреи. 22 декабря выходящий раз в две недели партийный журнал *Блокнот агитатора* опубликовал примечательную статью, направленную против сионизма. В ней в непривычно резких выражениях сионизм был охарактеризован как «реакционное течение еврейской буржуазии», которое служит верным агентом американского империализма^[123]. Коммунистическая партия всегда выступала против сионизма, и теперь, как сообщалось в *The New York Times*, евреев как сионистов обвиняли в «шпионаже и подрывной деятельности в интересах Соединенных Штатов»^[124]. Почти пять лет назад Кремль первым официально признал провозглашенное в мае 1948 года новое еврейское государство и дал добро коммунистическим властям Чехословакии на продажу оружия Израилю. На то у Сталина были свои причины. Он поддержал создание Израиля не в последнюю очередь потому, что видел в этом перспективу ухода англичан с Ближнего Востока. Но по мере

того, как внутри страны нагнеталась антисемитская атмосфера, внешняя политика Советского Союза становилась все более антиизраильской. Теперь она «[отождествляла] сионизм с американским империализмом и мнимой подрывной деятельностью США», и об этом Солсбери уведомлял свою нью-йоркскую редакцию^[125]. *Блокнот агитатора* был журналом не для рядовых читателей. Он издавался для партийных работников – число которых только в Московской области составляло 45 тысяч – с целью разъяснения позиции партии по важным вопросам. Прочитав статью, Солсбери заверил своих редакторов, что она вдохновлена процессом Сланского в Праге.

На самом деле Сталин начал раскаиваться в том, что пять лет назад поддержал Израиль. В сентябре 1948 года, после прибытия в Москву первого дипломатического представителя Израиля Голды Мейерсон (вскоре она поменяет фамилию на еврейскую – Меир) в советской прессе широко освещалась церемония вручения ею верительных грамот, что внушило евреям СССР ложную надежду на поддержку Израиля Кремлем. В сентябре и октябре, на Шаббат и во время еврейских праздников Рош ха-Шана и Йом киппур, Мейерсон посетила внушительное здание Московской хоральной синагоги. Жившие в столице евреи не могли сдержать своих восторженных чувств. На улицах ее приветствовали тысячи людей, а перед синагогой собирались огромные толпы.

Столь страстная поддержка нового еврейского государства совершенно не устраивала Сталина. В проведении демонстраций он обвинил Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) – организацию, созданную Кремлем во время войны с целью обеспечить своему союзу с демократиями дополнительную поддержку на Западе. В ноябре власти объявили о ликвидации комитета, заявив, что он «является центром антисоветской пропаганды и регулярно предоставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки»^[126]. В течение нескольких месяцев были закрыты идишеязычные газеты и издательства, распущены профессиональные театры с постановками на идише, а сотни деятелей еврейской культуры, включая пятнадцать человек, связанных с Еврейским антифашистским комитетом, были арестованы. Идиш был основным средством самовыражения евреев в стране, а теперь его государственные институты ликвидировались.

Вся эта ситуация поставила перед Сталиным вопрос о благонадежности его еврейских подданных. После трех десятилетий советской власти, оказывающей на людей давление, чтобы они ассимилировались, отказались от религиозных ритуалов и приняли русскую культуру в качестве основного средства выражения духовной и культурной самобытности, тысячи евреев вышли на улицы, демонстрируя, что они остаются евреями с желаниями и мечтами, выходящими за пределы физических и духовных границ Советского государства. Пришло время напомнить им, где они живут: поддержка Израиля Кремлем не означала, что советским евреям будет разрешено эмигрировать или стать добровольцами в армии нового еврейского государства.

Однако атака на ЕАК и идишеязычные организации не затронула евреев, занимавших руководящие посты в русскоязычных учреждениях культуры СССР. Их черед придет в 1949 году, когда власти развернут кампанию против Запада и «космополитов» и под прицел попадут все носители еврейских фамилий. (Обвинение в «космополитизме» было самым простым способом поставить под сомнение преданность советской культуре). 28 января газета *Правда* привлекла внимание общественности к «антипатриотической группе театральных критиков»^[127]. В нее входили евреи с такими фамилиями, как Юзовский, Гурвич и Крон. Статья запустила широкую кампанию в прессе, мишенью которой стали евреи, заподозренные в недостатке преданности своему государству и симпатиям к Америке, Европе и Западу. В нагнетаемой всей этой пропагандой атмосфере запугивания евреи оказывались изгоями на своих рабочих местах, им грозили увольнения. Последствия простирались от выговоров и снятия

с должностей до исключения из художественных союзов. Некоторых, кроме того, исключали из коммунистической партии и даже подвергали аресту.

Ольга Фрейденберг была профессором классической филологии в Ленинграде. На протяжении многих лет она вела обстоятельную и искреннюю переписку со своим двоюродным братом, поэтом Борисом Пастернаком. В 1949 году она поделилась с ним выдержкой из своего дневника.

По всем городам длиннотелой России прошли моровой язвой моральные и умственные погромы. <...> Подвергают моральному линчеванию деятелей культуры, у которых еврейские фамилии. Нужно было видеть обстановку погромов, прошедших на нашем факультете: группы студентов спуют, рожются в трудах профессоров-евреев, подслушивают частные разговоры, шепчутся по углам. Их деловая спешка проходит на наших глазах.

Евреям уже не дают образования, их не принимают ни в университеты, ни в аспирантуру. Университет разгромлен. Все главные профессора уволены. Убийство остатков интеллигенции идет непрерывно... Ученых бьют всякими средствами. Снятие с работы, отставки карательно бросают ученых в небытие. Профессора, прошедшие в прошлом году через всенародные погромы, умирают один за другим. Их постигают кровоизлиянья и инфаркты^[128].

Подобная атмосфера царила в тысячах советских учреждений в результате кампании против «космополитов».

Втайне от общественности Кремль продолжал расследование деятельности Еврейского антифашистского комитета, допросы и пытки его арестованных членов. Проведя в заключении по три года или больше, в мае 1952 года они предстали перед закрытым трибуналом. Процесс проходил в здании на Лубянке – штаб-квартире службы государственной безопасности в центре Москвы – и занял два месяца. Пятнадцать подсудимых обвинялись в «еврейском буржуазном национализме», шпионаже и государственной измене на том основании, что они сотрудничали с ЕАК. Их заслуги военного времени и даже то, что они собирали информацию о зверствах нацистов и старались сохранить память о жертвах, обернулись против них. 12 августа тринадцать из них были расстреляны. Один из подсудимых во время процесса потерял сознание и вскоре скончался в тюремной больнице. Единственной, кто выжил в этом кошмаре, была Лина Штерн, выдающийся ученый. Ее приговорили к пяти годам ссылки, но через год после смерти Сталина разрешили вернуться в Москву. Лишь по прошествии сорока лет Кремль обнародовал протоколы судебных заседаний, вскрывшие антисемитскую природу всего дела. Казнь подсудимых, пятеро из которых – Давид Бергельсон, Перец Маркиш, Лейб Квитко, Давид Гофштейн и Ицик Фефер – были знаменитыми авторами, писавшими на идише, стала апогеем атаки Сталина на идишеязычную культуру. Но поскольку процесс проводился в закрытом режиме, он не мог служить более широкой цели устрашения. Для этого понадобилось придумать нечто еще более впечатляющее^[129].

К осени 1952 года Сталин собрал воедино элементы предполагаемого заговора высокопоставленных еврейских врачей, которых вскоре обвинят в покушении на жизнь кремлевских руководителей. Несколько человек было арестовано в ноябре того же года, среди них личный врач Сталина Владимир Виноградов и главный терапевт Красной армии Мирон Вовси (троюродный брат актера и режиссера Соломона Михоэлса). Их подвергли жестоким допросам: по словам Хрущева, на Виноградова Сталин приказал «надеть кандалы». Режиму нужны были их признания в связях с иностранными разведками и планах убийства советских руководящих работников. «Если не добьетесь признания врачей, – напутствовал Сталин сотрудников госбезопасности, – то с вас будет снята голова»^[130]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

. Abram Tertz (Andrei Sinyavsky), *Goodnight!* (New-York: Penguin, 1989), 227. На русском языке: Синявский А. Д. Спокойной ночи: [роман] / Абрам Терц. – М.: Захаров, 1998.

2.

Заявление правительства и медицинский бюллетень можно найти в *The New York Times* за 4 марта 1953 года, с. 3. На русском языке цит. по: Бюллетень о состоянии здоровья И. В. Сталина на 2 часа 4 марта 1953 г., опубликованный в газете Правда 4 марта 1953 года.

3.

Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о Сталине. – М.: Новости, 1988. – С. 254–255.

4.

Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. – Т. III. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 229.

5.

Посол США Джордж Кеннан, приехавший в Москву в мае 1952 года, тоже знал о таких слухах. «Есть сведения, что он поддерживает исследования, направленные на продление человеческой жизни, и я думаю, что он придает этому первостепенное значение». См. George F. Kennan papers, MC076, Box 233, Folder 1 (запись в дневнике за 1953 г.), 13. Seeley G. Mudd Manuscript Library, Princeton University.

6.

Эти газетные сообщения обсуждаются в Yoram Gorlizki, Oleg Khlevniuk, *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953* (Oxford: Oxford University Press, 2004), 177, п. 3. На русском языке: Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. – М.: РОССПЭН, 2011.

7.

Там же. С. 177, п. 8.

8.

Там же. С. 54.

9.

. Независимая газета. 1993. 4 марта. С. 5.

10.

См. Sheila Fitzpatrick, *On Stalin's Team: The Years of Living Dangerously in Soviet Politics* (Princeton: Princeton University Press, 2015), 197.

11.

Посольство США в Варшаве государственному секретарю, 9 января 1952 г. (Если не указано иначе, ссылки на документы Госдепартамента доступны в микрофильмах, выпущенных в рамках специального проекта издательством University Publications of America, Inc. под заголовком Confidential US State Department Central Files: The Soviet Union, Internal Affairs 1950–1954 and Foreign Affairs 1950–1954 под редакцией Пола Кесариса. Я ознакомился

с микрофильмом в Библиотеке Ламонта Гарвардского университета, код ссылки: Film A 575.1 (1950–1954).

12.

Посольство США в Анкаре государственному секретарю, 1 февраля 1952 г.

13.

Посольство США в Москве государственному секретарю, 1 февраля 1952 г.

14.

Harrison E. Salisbury, *Moscow Journal: The End of Stalin* (Chicago: University of Chicago Press, 1962), 244–245.

15.

. *Foreign Relations of the United States, 1952–1954, 138th Meeting of the National Security Council, March 25, 1953* (Washington: US Government Printing Office, 1984), vol. VIII: Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean (далее FRUS, VIII), 963.

16.

Salisbury, *Moscow Journal*, 245.

17.

Посольство США в Москве государственному секретарю, 20 июня 1952 г., в FRUS, VIII, 1014–1015.

18.

George Kennan, *Memoirs*, vol. II (Boston: Little, Brown, 1972), 132.

19.

Посольство США в Москве государственному секретарю, 20 августа 1952 г., в FRUS, VIII, 1044.

20.

Svetlana Alliluyeva, *Twenty Letters to a Friend* (New York; Harper & Row, 1967), 206. На русском языке: Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. – М.: Известия, 1990.

21.

Salisbury, *Moscow Journal*, 324.

22.

Китчлу наряду с Махатмой Ганди был лидером движения за независимость Индии. Будучи мусульманином, он выступал против разделения Индии на мусульманскую и индуистскую страны. Он сблизился с Коммунистической партией Индии и возглавлял как Всеиндийский, так и Всемирный совет мира (последний активно поддерживался СССР), благодаря чему стал лауреатом Сталинской премии «За укрепление мира между народами». Кремль ценил его дружбу. 10 марта Правда разместила фотографию Китчлу, запечатленного во время церемонии прощания со Сталиным в Колонном зале. За редкими исключениями этой чести удостоивались только лидеры коммунистических партий.

23.

Salisbury, *Moscow Journal*, 327.

24.

Когда 4 марта было объявлено о болезни Сталина, американский поверенный в делах Джейкоб Бим вспомнил о встрече Сталина с Меноном и Китчлу, которая произошла всего несколькими неделями ранее. Поскольку после встречи оба они заявляли, что Сталин прекрасно себя чувствует, Бим связался с Госдепартаментом и сообщил, что, по его мнению, удар был «неожиданным, и к нему, скорее всего, не успели подготовиться». Далее он рассуждал о том, что «посольство считает маловероятным, что один из двойников Сталина, о которых давно ходило множество слухов, – даже если они реально существуют – мог занять его место, а его смерть могла быть скрыта сколько-нибудь долго». См. FRUS, VIII, 1084.

25.

Alliluyeva, *Twenty Letters*, 208.

26.

Nikita Khrushchev, *Khrushchev Remembers* (Boston: Little, Brown, 1970), 299. На русском языке: Хрущев Н. С. *Время. Люди. Власть. [Воспоминания]*: В 4 кн. – М.: Моск. новости, 1999.

27.

Там же. С. 316. Эти полуночные обеды не всегда проходили так гладко. В своих мемуарах Хрущев вспоминал, какими «нескончаемыми, утомительными» могли быть эти обеды (там же. С. 301). Югославский писатель-диссидент Милован Джилас как во время войны, так и после нее присутствовал на подобных встречах в качестве представителя правительства Тито и лично видел, какие неудобства это доставляло собеседникам Сталина. «Все это, скорее, напоминало патриархальное семейство во главе со своенравным старцем, чьи причуды каждый раз заставляют родственников волноваться», см. *Milovan Djilas, Conversations with Stalin* (Harmondsworth: Penguin, 1969), 64.

28.

Рыбин А. Т. Рядом с И. В. Сталиным // *Социологические исследования*. – 1988. – № 3 (май – июнь). – С. 84–94.

29.

Nadezhda Mandelstam, *Hope Against Hope* (New York: Atheneum, 1979), 383.

30.

Khrushchev, *Khrushchev Remembers* (1970), 319.

31.

Там же. С. 317.

32.

. Независимая газета. 1993. 4 марта. С. 5.

33.

Мясников А. Л. Я лечил Сталина. – М.: Эксмо, 2011. – С. 295. Мясников был одним из группы врачей, работавших в журнале «Клиническая медицина». Его фамилия оставалась

в списке редколлегии на протяжении всего 1952 года и в начале следующего. По «делу врачей» арестован не был.

34.

Yakov Rapoport, *The Doctor's Plot of 1953* (Cambridge: Harvard University Press, 1991), 151–152. На русском языке: Рапопорт Я. Л. На рубеже двух эпох. «Дело врачей» 1953 года. Показания обвиняемого. – М.: Книга, 1988. – С. 141.

35.

Alliluyeva, *Twenty Letters*, 6–7.

36.

Khrushchev, *Khrushchev Remembers* (1970), 318.

37.

Alliluyeva, *Twenty Letters*, 7. После ареста и расстрела Берии у Хрущева были все основания для того, чтобы максимально очернить его репутацию. У Светланы Аллилуевой также были причины испытывать неприязнь к Берии, но вряд ли стоит думать, что ее рассказ о событиях на даче был искажен под влиянием подобных чувств. Воспоминания Хрущева вышли в свет после того, как Светлана Аллилуева закончила собственную книгу.

38.

Там же. С. 212.

39.

Там же. С. 214.

40.

Eddy Gilmore, *Me and My Russian Wife* (Garden City, New York: Doubleday, 1954), 290.

41.

. *The New York Times*. 1953. 4 марта. С. 1.

42.

Salisbury, *Moscow Journal*, 336.

43.

Sherman Adams, *Firsthand Report: The Story of the Eisenhower Administration* (New York: Harper and Brothers, 1961), 96.

44.

Adams, *Firsthand Report*, 96.

45.

Протокол 135-го заседания Совета национальной безопасности, Вашингтон, 4 марта 1953 г., в FRUS, VIII, 1091–1093.

46.

. *The New York Times*. 1953. 5 марта. С. 10.

47.

Dwight David Eisenhower, *Mandate for Change 1953–1956; The White House Years, A Personal Account* (Garden City, New York: Doubleday, 1963), 143.

48.

. *The New York Times*. 1953. 5 марта. С. 11. По словам Эйзенхауэра, Даллес был против публикации заявления, полагая, что оно «может быть истолковано как призыв к скорбящему советскому народу восстать против властей», см. Eisenhower, *Mandate for Change*, 144.

49.

Kumara Padmanabha Sivasankara Menon, *The Flying Troika* (London: Oxford University Press, 1963), 36, xiii.

50.

. *Newsweek*. 1953. 16 марта. С. 23.

51.

Посольство США в Брюсселе государственному секретарю, 4 марта 1953 г.

52.

Посольство США в Бонне государственному секретарю, 4 марта 1953 г.

53.

Госсекретарь Даллес в американское посольство в Москве, 4 марта 1953 г.

54.

Консульство США в Мюнхене государственному секретарю, 5 марта 1953 г.

55.

. *The New York Times*. 1953. 6 марта. С. 1.

56.

Сенатор Стайлз Бриджес из Нью-Гэмпшира утверждал, что «снять кандидатуру Боленя требовали "самые главные" помощники Эйзенхауэра. "У нас прошли выборы, и курс Ачесона – Трумэна потерпел поражение"». Но Роберт Тафт из Огайо смягчил остроту полемики. По его убеждению, назначение в Москву было не столь важным, чтобы начинать конфликт между сенаторами-республиканцами и новой республиканской администрацией. «Наш посол в России не располагает никакими возможностями. В Москве он связан по рукам и ногам. Все, что он может, это наблюдать и докладывать. Он не будет существенно влиять на проводимый курс»; см. *Time*. – 23 марта 1953 г. – С. 26.

57.

В своих мемуарах Бим писал: «Кремль, по сути, изгнал Кеннана, запретив ему возвращаться в Москву. Тем самым Советы обрекали на высылку собственного посла в Вашингтоне и столкнулись с дипломатической паузой, которую сами же и спровоцировали... Я получил инструкции просто наблюдать, докладывать и, самое главное, избегать каких-либо инцидентов». Jacob Beam, *Multiple Exposure: An American Ambassador's Unique Perspective on East-West Issues* (New York: Norton, 1978), 29.

58.

Посольство США в Москве государственному секретарю, 5 марта 1953 г.

59.

Госсекретарь Даллес – «отдельным сотрудникам американского дипломатического корпуса» в посольствах США в Москве, Праге, Варшаве, Будапеште и Бухаресте, 4 марта 1953 г.

60.

Дипломатическое представительство США в Берлине государственному секретарю, 5 марта 1953 г.

61.

Посольство США в Белграде в Госдепартамент, 5 марта 1953 г.

62.

. The New York Times. 1953. 5 марта. С. 10.

63.

. Time. 1953. 23 марта. С. 62.

64.

. The New York Times. 1953. 6 марта. С. 1.

65.

The Wayward Press: Death on the One Hand // The New Yorker. 1953. 28 марта. С. 105.

66.

. The New York Times. 1953. 6 марта. С. 12. 12 апреля 1945 года Эйзенхауэр в сопровождении генералов Джорджа Паттона и Омара Брэдли посетил концентрационный лагерь Ордруф, расположенный недалеко от Веймара. Это был первый лагерь, освобожденный американскими войсками (4 апреля).

67.

. The New York Times. 1953. 6 марта. С. 12.

68.

Цит. по: Steven A. Barnes, *Death and Redemption: The Gulag and the Shaping of Soviet Society* (Princeton: Princeton University Press, 2011), 201. На русском языке цит. по: Разгон Л. Э. *Непридуманное. Биографическая проза.* – М.: Ex Libris, 1991. – С. 216.

69.

Gilmore, *Me and My Russian Wife*, 286–287.

70.

Мясников А. Л. Указ. соч. С. 299.

71.

. Независимая газета. 1993. 4 марта. С. 5.

72.

. The New York Times. 1953. 6 марта. С. 14.

73.

СИМОНОВ К. М. Указ. соч. С. 257–259.

74.

Svetlana Alliluyeva, *Twenty Letters*, 10.

75.

Khrushchev, *Khrushchev Remembers* (1970), 320.

76.

Мясников А. Л. Указ. соч. С. 300.

77.

Svetlana Alliluyeva, *Twenty Letters*, 8.

78.

Khrushchev, *Khrushchev Remembers* (1970), 322, 324.

79.

Svetlana Alliluyeva, *Twenty Letters*, 8–14. Всего через несколько дней Берия приказал закрыть дачу для посещений, собрать всю мебель и личные вещи Сталина и уволить весь штат обслуживавших дачу. Двое офицеров охраны застрелились, см. *Twenty Letters*, 23.

80.

О том, как статья распространялась, см. G. D. Embree, *The Soviet Union Between the 19th and 20th Party Congresses 1952–1956* (The Hague: Springer Netherlands, 1959), 5.

81.

Adam Ulam, *Stalin* (New York: Viking, 1973), 729–731.

82.

Полный текст сталинской работы, посвященной экономике, цит. по: Leo Gruliov (ed.), *Current Soviet Policies: The Documentary Record of the Nineteenth Party Congress and the Reorganization after Stalin's Death* (New York: Praeger, 1953), 1–20. На русском цит. по: Сталин И. В. *Сочинения*. – Т. 16. – М.: Издательство «Писатель», 1997. – С. 154–223.

83.

. The New York Times. 1952. 3 октября. С. 7.

84.

Auguste Lecœur, *Le Partisan* (Paris: Flammarion, 1963), 261–262.

85.

Dmitrii Shepilov, *The Kremlin's Scholar: A Memoir of Soviet Politics Under Khrushchev* (New Haven: Yale University Press, 2007), 228. На русском языке: Шепилов Д. Т. Непримкнувший: воспоминания. – М.: Вагриус, 2001.

86.

Gruliov, *Current Soviet Policies*, 117. На русском языке см. Материалы XIX съезда ВКП(б) – КПСС <https://stalinism.ru/dokumentyi/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss.html?showall=1>

87.

Там же. С. 120.

88.

Там же. С. 214.

89.

Shepilov, *The Kremlin's Scholar*, 229.

90.

Там же. С. 228.

91.

Там же. С. 235–236.

92.

. *Memoirs of Nikita Khrushchev, vol. 2, Reformer [1945–1964]*, ed. Sergei Khrushchev (University Park, Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 2004), 108. На русском языке: Хрущев Н. С. *Время. Люди. Власть. [Воспоминания]: В 4 кн.* – М.: Моск. новости, 1999.

93.

Там же. С. 89

94.

Shepilov, *The Kremlin's Scholar*, 234

95.

Цит. по: Gorlizki, Khlevniuk, *Cold Peace*, 149. На русском цит. по: Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. *Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры.* – М.: РОССПЭН, 2011.

96.

Shepilov, *The Kremlin's Scholar*, 232.

97.

СИМОНОВ К. М. СИМОНОВ К. М. Указ. соч. С. 240–241.

98.

Shepilov, *The Kremlin's Scholar*, 234.

99.

Gorlizki, Khlevniuk, *Cold Peace*, 136.

100.

Vladislav M. Zubok, *A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War From Stalin to Gorbachev* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2009), 74.

101.

Shepilov, *The Kremlin's Scholar*, 234.

102.

Сергей Хрущев. Никита Хрущев: Реформатор. – М.: Время, 2010. – С. 86.

103.

Nikita Khrushchev, *Memoirs*, vol. 2, *Reformer*, 106.

104.

Микоян А. И. Так было: размышления о минувшем. – М.: Вагриус, 1999. – С. 580.

105.

. *The Anti-Stalin Campaign and International Communism: A Selection of Documents*, ed. Russian Institute, Columbia University (New York, 1956), 84.

106.

Gennadi Kostyrchenko, *Out of the Red Shadows: Anti-Semitism in Stalin's Russia* (Amherst, New York: Prometheus Books, 1995), 120.

107.

Цит. по: Oleg Khlevniuk, *Master of the House: Stalin and his Inner Circle* (New Haven: Yale University Press, 2009), xiii–xiv. На русском языке: Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя. – М.: Корпус, 2005.

108.

Чув Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. – М.: Терра, 1991. – С. 473.

109.

Микоян А. И. Указ. соч. С. 573.

110.

Shepilov, *The Kremlin's Scholar*, 235.

111.

Кузнецов Н. Г. Нева. – Л., 1965. – № 5. – С. 161.

112.

Khlevniuk, *Master of the House*, 214. На русском языке: Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М.: РОССПЭН, 2010.

113.

. *The New York Times*. 1952. 17 октября. С. 19.

114.

. L'Humanité. 1952. 17 сентября. С. 1.

115.

Ernest Hemingway, *For Whom the Bell Tolls* (New York: Scribner's 1940), 417. Образ Андре Марти у Хемингуэя послужил одной из причин, почему роман был запрещен в СССР. Эренбург прочел роман в русском переводе в июле 1941 года; его готовили к печати, но в конце концов так и не выпустили. В воспоминаниях Эренбург писал о своем неприязненном отношении к Марти и включил туда цитаты из романа, хотя в Советском Союзе он был опубликован только в 1968 году, спустя год после смерти Эренбурга. На русском языке цит. по изданию Ставропольского книжного издательства, 1986, перевод Н. Волжиной, Е. Калашниковой.

116.

Эренбург И. Г. Указ. соч. Т. II. С. 136.

117.

. The New York Times. 1952. 5 октября. С. 17.

118.

Цит. по: Joshua Rubenstein, Vladimir Naumov (eds), *Stalin's Secret Pogrom: The Postwar Inquisition of the Jewish Anti-Fascist Committee* (New Haven: Yale University Press, 2001), xiii. Комаров остался в тюрьме и был расстрелян в декабре 1954 года. На русском языке цитата найдена в: Борщаговский А. М. Обвиняется кровь: [Репрессии 30–50-х гг.]: Докум. повесть. – М.: Прогресс: Культура, 1994.

119.

В процессе Сланского была еще одна уникальная особенность. Трое обвиняемых остались в живых, двое из них написали мемуары, вдобавок жены трех осужденных на процессе тоже опубликовали воспоминания. Среди прочих в Праге были арестованы двое израильтян – Мордехай Орен и Шимон Оренштейн, которых заставили дать порочащие свидетельские показания. Они были осуждены на последующих процессах и приговорены к многим годам тюрьмы. После смерти Сталина они получили свободу, вернулись в Израиль и написали собственные мемуары. Все эти воспоминания вместе дают необычайно подробную и яркую картину того, как велось это дело, включая пытки обвиняемых. Мемуары Артура Лондона, впервые опубликованные на французском языке в 1968 году под названием *L'Aveu* («Признание», в Англии – «На суде», в Америке – «Исповедь» (*The Confession*)), в частности, легли в основу сюжета знаменитого фильма, снятого режиссером Коста-Гаврасом, главные роли в котором исполняли Ив Монтан и Симона Синьоре. Разоблачение всего беззакония, сопровождавшего дело Сланского, в 1968 году стало одной из первоочередных задач чехословацкого коммунистического руководства, состоявшего из сторонников реформ. Но в августе того же года затеянная ими ревизия относящихся к делу архивных материалов была прервана вторжением войск Организации Варшавского договора, и это положило конец Пражской весне и любым надеждам на перемены на многие годы вперед.

120.

Meir Cotic, *The Prague Trial: The First Anti-Zionist Show Trial in the Communist Bloc* (New York: Cornwall Books, 1987), 144.

121.

. The Times. 1953. 14 января. С. 7.

122.

. Правда Украины и Радянська Україна. 1952. 29 ноября. С. 1; английский перевод в: The Current Digest of the Soviet Press. 1953. 3 января. Т. IV. № 47. С. 16. Статья была озаглавлена «Банда вредителей».

123.

Цит. по: Salisbury, Moscow Journal, 308.

124.

. The New York Times. 1952. 23 декабря. С. 7.

125.

Salisbury, Moscow Journal, 308.

126.

Shimon Redlich (ed.), War, Holocaust and Stalinism: A Documented Study of the Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR (Luxembourg: Harwood Academic Publishers, 1995), 464.

127.

Цит. по: Benjamin Pinkus (ed.), The Soviet Government and the Jews 1948–1967 (Cambridge: Cambridge University Press, 1984), 183–185.

128.

. The Correspondence of Boris Pasternak and Olga Freidenberg 1910–1954, compiled and edited with an introduction by Elliott Mossman; trans. Elliott Mossman and Margaret Wettlin (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1982), 295. На русском языке: Пастернак Б. Л. Переписка Бориса Пастернака. – М.: Худож. лит., 1990.

129.

Сокращенный английский перевод стенограммы этого закрытого процесса дан в книге Rubenstein, Naumov, Stalin's Secret Pogrom.

130.

Хрущев заявлял об этом в своем «секретном докладе» на XX съезде партии 25 февраля 1956 года. Текст опубликован в сборнике The Anti-Stalin Campaign and International Communism, с. 64. Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях: Доклад на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года. Источник: Сталин И. В. Сочинения. – Т. 16. – М.: Издательство «Писатель», 1997. – С. 381–440 (Приложение XX). – С. 422.